

детектив - событие

Евгения Михайлова

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Евгения Михайлова
Спасите наши души
Серия «Детектив-событие»
Серия «Частный детектив
Сергей Кольцов»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3084235

Михайлова Е. Спасите наши души: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48617-5

Аннотация

Настя Воронцова прячет за стеклами очков изумительные глаза, а в мешковатые свитера кутает безупречную фигуру. Но ее душа открыта состраданию. Однако чужая жестокость делает эту фарфоровую принцессу настоящим маленьким воином...

Облеченная властью мать позволяет Зинке все. Злобная девица находит удовольствие в грязных интригах, склоках, отвратительных скандалах. И только один человек будит в ней любовь и привязанность...

Наташа Сидорова пресыщена богатством и поклонением папиков. Она смеется над нежностью и жестокостью, правдой и болью, беззаботно порхая над миром «жалких людишек»...

Все они одиноки. Их души мечутся в поисках признания и любви, выбирая каждая свой путь. Одна найдет то, что ищет, другая поплатится свободой, а третья лишится жизни. Каждому свое!..

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	56
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	78
Глава 13	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Евгения Михайлова

Спасите наши души

*Все события и действующие лица романа
вымышлены.*

Часть первая

Глава 1

Мария сжала сильными ногами крутые бока мерина Гвена, и у нее перехватило дыхание от ощущения полета. Они были одни над миром, в темноте. Она чувствовала себя не одинокой, а единственной. Где-то там, внизу, была толпа, массы людей. И она слышала их голоса: «Маруся, ты волшебница!», «Маруся, только ты смогла дать шанс ребенку, спасла чужую брошенную старуху. Только ты спасительница всех несчастных животных». Ты, ты, ты... Такое было Машино счастье, вдохновение: она должна была чувствовать себя властительницей судеб, дышать воздухом восхищения... Более того, ей нужно было знать, что все они пресмыкаются перед ней... Вся эта шваль, мелочь, людишки. Восторги да деньги – вот и все, что с них можно взять. И то и другое ей

необходимо, но Мария презирала людей, которые верили в нее. Для того чтобы она кого-то возненавидела, нужен был пустяк: перестал восхищаться, перестал платить... Чтоб вы все пропали. Найдутся другие.

Гвен споткнулся о корягу, Мария чуть не вылетела из седла. Она опомнилась, спрыгнула, схватила хлыст и больно ударила коня по ногам. Сильное, великолепное животное сжалось в момент. Его била крупная дрожь. Он ожидал града побоев. Мария почувствовала волну предвкушения. Избивать лошадей, видеть страх в их огромных выразительных глазах – эту свою слабость она скрывала от всех. Но более сладкого чувства она не испытывала даже от близости с мужчиной. На этот раз она остановила себя. Гвену недавно залечили глубокие рубцы, которые стали гноиться. Мария что-то пробормотала по поводу их происхождения, поймала сомневающийся взгляд ветеринара и задохнулась от раздражения: «Тебе деньги платят, твою мать!» Сейчас Гвен выставлен на продажу. Больше нельзя бить. Мария села на камень, закурила. Настроение было сбито. Она уже не парила. В голову лезло все не то... Мать с ее вечно недовольной, осуждающей физиономией, единственная подруга и соратница Лена, которая слишком много о себе понимает... И эта... Эта отвратительная бабенка. Виделись они пару раз, но Мария никак не может выбросить из головы яркий образ Наташи, по их форуму – ТИМ. Вызывающе сексуальный, женственный образ. Мария терпеть не могла таких женщин в принципе. Хо-

дячий клич всем мужчинам – светлые волосы, сексуальный рот, нахальные и призывные серые глаза. Дорогушие красивые тряпки. И повадки барыни, которая с барского плеча готова подать на всех сирых и убогих... Наташа пару раз давала деньги Марии – на операции детей, животных, для дома престарелых. И уже второй раз потребовала отчета. Мария задохнулась от злобы. Она почему-то представила себе полную, загорелую даже после зимы шею Наташи, на которой всегда блестит очень дорогое кольцо. Мария сжала кулаки, так зачесались руки...

* * *

Ирма зажгла ароматические свечи, брызнула из флакона «Шанель № 5» на себя и на тряпичного кота ручной работы, висящего над компьютером, озабоченно потянула носом и воткнула в розетку электрический освежитель воздуха. Внимательно посмотрела на живого кота, развалившегося на журнальном столике. «Кастрировать, что ли, тебя? Ты, конечно, против. Ты будешь потом смотреть на меня как на людоеда. Тогда писай в лоток, кому говорят. Люди в дом ходят». Кот посмотрел в ее небольшие черные глаза своими огромными, желтыми, немигающими, и она, как обычно, вздохнула. Он ее всегда победит. Она быстро сняла ситцевый халатик, запихнула его в шкаф и накинула длинный алый переливающийся халат из дорогой синтетики, очень напоми-

нающей качественный шелк. Провела красной помадой по тонким губам, распустила стянутые резинкой гладкие темные волосы, посмотрела на свое отражение в зеркале своим коронным «роковым» взглядом и довольно улыбнулась. В дверь позвонили.

Очень высокая девушка в меховом коротком жакете, обтягивающих джинсах и ботфортах на шпильке договаривала по мобильнику, когда дверь открылась. «Все, лапа, я пришла, Ирма дверь уже открывает, стоит такая шикарная, а ее ветром сдувает. Бум-це-пока-пока, позвоню».

– Ирмуша, не поверишь, я так скучала, еле на работе усидела. Серость кругом, тоска, а у тебя тут как в раю. Слушай, можно я сапоги снимать не буду? Сил никаких нет.

– Конечно, не снимай, ты что? Мои тосканские ковры чистить легче, чем тарелку помыть. У меня и обувь для тебя есть.

– Ну, я сниму, чтобы померить. А вообще я все на глаз сразу определяю: что мое, что нет.

Девушка небрежно бросила жакет на столик в холле, прошла в гостиную, бегло взглянула на яркие тряпки, разложенные на диване, села в огромное кресло и вытянула длинные ноги.

– Кофе выпьешь? Только я умею так варить. – Ирма смотрела на девушку, изо всех сил стараясь не выйти из роли тонной дамы. – Слушай, ты меня извини, склеротичку, но как тебя зовут на самом деле? А то мы там все под кличками, как

собаки... Стелла – это же твой ник, да? Ты вроде говорила, у тебя другое имя.

– Да я как раз просила, чтоб ты меня Стеллой называла. Имячко у меня несуразное, только родная мать могла такое подарить. Серафимой она меня назвала. В честь какой-то своей троюродной любимой бабушки. Не знаю, с какой стороны. Так что бум знакомы, опять двадцать пять. Кофе выпью. Ты неси, а я пока в этой красоте пороюсь.

Стелла холодным взглядом посмотрела на широкую спину и массивные бедра выплывающей из комнаты Ирмы, достала сигарету, закурила, пустила кольцо дыма в нос неморгающему коту, после чего тот недовольно слез со стола. Затем встала, обошла диван с разложенными вещами и медленно прошла по комнате, разглядывая многочисленные тумбочки, шкафчики, шкатулки. Когда Ирма вошла с подносом, Стелла не повернулась: она склонилась над компьютером:

– Ирма, слушай, а ты эту темку видела? Как тебя поливает эта «коклюшка»? Она – это кто? Тролль? Или клон кого-то из наших, кто тебя терпеть не может, а в глаза не скажет?

– И то и другое может быть, – устало, но гордо ответила Ирма. – Ты же знаешь, сколько у меня врагов по всему Инету. Всем известно, что я за больного ребенка, за бездомную собаку, за бомжа последнего кого угодно порву. Мстят. Угрозы, листовки каждый день в почтовом ящике нахожу. Когда по вечерам выхожу со своими инвалидиками, всегда кто-то подозрительный маячит у подъезда.

– Да ты что? – повернулась к ней Стелла. – А ты в ментовку не писала?

– На кого, девочка? Их столько... Ладно, ты же знаешь, меня не напугаешь. Садись. У меня еще конфеты остались, Тони из Рима недавно привез. Что-то особенное.

Через сорок минут Ирма закрыла за Стеллой дверь, прерывисто вздохнула, быстро прошла в гостиную и взяла с бюро деньги. Пересчитала. Что это? Она ошиблась! Нужно было дать четыре с половиной тысячи рублей, а тут пять с половиной. Ирма машинально взяла телефон, нажала номер Стеллы и тут же спешно дала отбой.

Стелла сидела за рулем и курила. Взглянула на телефон, подождала пару минут и перезвонила.

– Ирмуша, ты сказать что-то хотела?

– Да нет, Сти, просто вспомнила, что не показала тебе одни очень интересные перчатки, Жан привез из Парижа, но потом подумала, что ты уже уехала.

– Да, конечно, но я обязательно заеду в ближайшее время. А сейчас домой – мерить, мерить и мерить... Бум-це-пока-пока. Отпишусь в темке.

Ирма, облегченно вздохнув, положила деньги в ящик стола. Стелла, проехав пару кварталов, остановилась у мусорного бака и небрежно выгрузила в него два ярких пакета с только что приобретенными обновками. «Из Парижа и из Рима... секонд-хенд за углом в подвале, – пробормотала она сквозь зубы. – Бум-це-пока-пока».

Глава 2

Алиса закрыла глаза, плотно сжала веки. Надо немного унять эту постоянную резь, симптом вечного бодрствования. Глубокий вдох, единственное желание – час или два глубокого безмятежного сна. Длинные ресницы взлетели без спросу, как занавес в театре. Темно-серые глаза смотрели на привычные вещи ясно, внимательно и строго. «Вот усну я однажды, – подумала Алиса, – а кто-то возьмет да и переставит эту лампу, передвинет столик, уберет зеркало. Проснусь – а мой мир поломан. Не сойти бы с ума». Она подняла руки над головой, сжала сильными пальцами спинку кровати, потянулась, с тоской и сладкой болью ощущая напряжение живых мышц. Холодно взглянула на свои длинные изящные ноги, как будто вылепленные гениальным скульптором. Они и были чем-то вроде скульптурного украшения ее прекрасного тела. Стали такими после одного неудачного полета многообещающей балерины. Боже, вот только без этого. Без навязчивого воспоминания, без неустанно возвращающегося страха, без робкой надежды, что все обойдется. Не обошлось, и точка. Алиса протянула руку к ночному столику и зажгла настольную лампу. Полежала немного, как будто греясь в облаке оранжевого света. И, конечно, вскоре тихонько открылась дверь ее спальни.

– Ты проснулась, Лис?

Он нерешительно стоял на пороге, близоруко щурился, улыбался. Крупный, сильный и очень похожий на большого белобрысого ребенка. Алиса точно знала, что ее спасут, когда будет совсем край, его тепло, его здоровый, родной запах. Ее иллюзия, что можно спрятаться от самой себя в его руках.

– Можно и так сказать. А ты почему не спишь?

Он порывисто подошел и сел рядом, сжал ее плечи, коснулся губами волос.

– Потому что глупость несусветная спать одному, как идиоту, через стенку от тебя. Я скучаю, понимаешь? Лежу там, пялюсь в потолок и скучаю. Слушаю, не шевельнулась ли ты. Позволь мне сегодня остаться с тобой. Давай нормально уснем, как раньше... Я же знаю, ты тоже не спишь.

Алиса притянула его к себе, крепко обняла за шею, задохнулась на мгновение от ощущения запредельной близости и... почувствовала, как стало горячо глазам, как губы горько сомкнулись для безмолвного плача. Нет, как раньше, больше быть не может. Она встретила своего единственного мужчину за месяц до рокового падения. Она ему открылась. Она была счастлива подарить ему всю страсть сдержанной и сильной женщины, свое совершенное тело богини. Нет, к этому просто никак невозможно вернуться. Он пришел к женщине, которая чувствовала его каждым нервом, кончиками пальцев на ногах, для того, чтобы сейчас проснуться рядом с инвалидом? Пусть он поскорее уйдет. Она сама с собой разберется. Она отомстит себе за его одиночество и неприкаян-

ность.

– Алекс, милый, давай подождем. Ты ж знаешь, мне ночью не по себе. Но я тоже жду тебя. Ты придешь утром, и все будет иначе. Тебе нужно выспаться. Завтра на работу. Я рядом с тобой, я люблю тебя.

– Да-да, прости. Ворвался среди ночи. Стена мне, балбесу, вдруг помешала. Конечно, я тоже с тобой, я приду утром. Постарайся поспать.

Она пристально смотрела, как он уходит, неловко, неуклюже, жалко. Дождалась, пока закроется за ним дверь. И сказала себе: «Чертова калека». И опять не умерла от боли. Повернулась к столику, включила ноутбук. Вышла на сайт «Ты здесь нужен». Вот. Новая тема в «неотложке». Автор – Кокошанель. «Он король. Болен, унижен, предан, он в руинах охраняет свое королевство». Настя взялась спасти очередного безнадежного пса. Алиса быстро написала: «Если повезете короля на осмотр, я оплачу прием и выписанные лекарства».

* * *

Настя улыбнулась. Конечно, первой откликнулась Алиса Голд. Никогда не спит, что ли? Интересно, какая она. Если судить по ее постам, письмам в личку, это уверенная в себе, очень образованная, сильная женщина. Насте казалось, что она должна быть непременно красивой. Или очень ин-

тересной. А почему она тогда сидит ночами на форуме помощи несчастным? Просто потому, что добрая, великодушная? Она помогает в темах. Интересно, кем она работает, с кем живет, какие у нее интересы. «Кто знает, может, познакомимся когда-нибудь. А может, не увидимся никогда. Но что же делать с этим Раликом, собакой дворников-таджиков, несчастным, как все короли? Хотя знает его весь район».

Настя вышла на балкон, озабоченно потянула руку, проверяя, не стал ли слабее дождь. Нет, лупит, как заведенный. Надо сбегать к Ралику, дать лекарства, накрыть его старой плащевой накидкой. Она быстро накинула в прихожей куртку с капюшоном, взяла приготовленную сумку и выскользнула из квартиры тихонько, чтоб не разбудить двух своих собак.

Она прибежала домой, сняла мокрую куртку, тихонечко прошла на кухню, включила чайник. Все. Пью чай, и спать. Завтра с утра соседскую девочку вести в школу, потом к одному малышу бежать в детский сад, потом... Ой, боже мой, сколько всего надо сделать. Настя хваталась за любой заработок во время учительских каникул. Расходов уйма. Только на себя у нее денег никогда не хватало. Она вздрогнула от телефонного звонка, посмотрела испуганно на часы. Боже, третий час ночи. Кто это?

– Ты, Ирочка? Что случилось? Ты где? Что? То есть как украли? Понятно. Но у меня нет денег, ты же знаешь. Что есть в кошельке... Ну, приходи.

Настя положила трубку, вздохнув. Племянница Ира с очередной брехней о том, что ее обокрали в клубе. Взрослая деваха, а ума нет совсем. Конечно, надо бы разок отказать, но так ее жалко бывает. Мать ее, старшая сестра Насти, человек суровый, скуповатый. Тяжело, наверное, девочке с ней.

Настя достала из сумки кошелек, со вздохом пересчитала содержимое. «То, что в кошельке...» Так Ирка всегда говорит. А это и есть обычно все Настино состояние. Три с половиной тысячи. Настя вынула полторы, положила на столик. Может, завтра ей за девочку заплатят. За малыша, который в детском саду, на этой неделе точно не дадут. Она открыла дверь до того, как Ира нажала на звонок. Улыбнулась ей радостно.

– Ладно, хоть так, но зашла. Чаю хочешь?

– Ну, ты даешь. Чай среди ночи. Да мне домой надо – поспать немного, завтра на собеседование пойду.

– Куда?

– А, не помню. Дома адрес.

– Как можно забыть, куда ты идешь на работу устраиваться?

– Я помню, что точно не в Кремль президентом.

Ира хихикнула, довольная своим остроумием, взяла у Насти из рук деньги и по-родственному прижалась к ее щеке. Настя знала, в какие моменты племянница ласкова, но ей все равно было приятно. Родная девочка. Ощущается, конечно, запах спиртного. Но... ребенок стал взрослым. Своя жизнь.

Настя внимательно посмотрела на Ирино накрашенное лицо, на ужасный пирсинг в губе и ноздре. Привычно подумала: а без этого всего она все-таки ужасно симпатичная. Потереть бы лицо мочалкой с мылом, вернуть рыжим от природы волосам естественный цвет вместо малинового, была бы просто прелесть – простая, чистая, душистая, уютная, домашняя. Но не хочет она такой быть. Что тут поделаешь?

Закрыв за племянницей дверь, Настя потянулась и зевнула. Ой, спать-спать-спать. Несколько часов полного провала. Она постояла несколько минут под горячим душем, скользнула в ночную сорочку, зашла в кухню, допила остывший чай. Написала сообщение в свою тему: «Спасибо, Алиса Голд. Я завтра что-нибудь придумаю, пока не знаю, что делать с этим королем. К себе привести не могу: он дерется с кобелями. Сейчас его провела, покормила, дала лекарства, укрыла от дождя. Он спит».

Засыпая, Настя думала, пролежит ли Ралик до утра под плащовкой.

Глава 3

Наташа лежала обнаженная посреди огромной кровати в роскошной спальне. Разглядывала при свете ночника свои гладкие, загорелые руки и ноги, безупречный маникюр и педикюр, отдыхала каждой мышцей, каждым нервом плотного, ухоженного тела. Она умела ни о чем не думать. Она вообще умела все. Во всяком случае, была уверена в этом. Четвертый час. Там, за окном, рассвет, а она скоро останется одна, и наступит самое блаженное время ее суток. Она будет спать, просыпаться, есть, пить, опять спать. Она будет думать только о приятном, это значит, о многом. Она лениво улыбнулась краешками губ. Потянулась.

– А я еще не ушел, – произнес высокий мужской голос. – Ты, кажется, уже обо мне забыла.

– Да ладно кокетничать. – У Наташи голос, наоборот, был низким и хриловатым. – Тебя забудешь. Как же.

Коренастый мужчина с заметным животиком, круглой проплешиной посреди коротко стриженной головы сел рядом и положил руку на ее бедро.

– Как это понять? Ты довольна или, наоборот, я тебе надоел?

Наташа прямо посмотрела своими небольшими светлыми глазами в его совсем маленькие – карие.

– А не скажу. Чтоб тебе было о чем думать..

– Ах ты, интриганка. – Он сжал ее плечи широкими ладонями с короткими пальцами, впился в губы долгим поцелуем.

Наташа обвила его шею руками, потом легко шевельнулась, освобождаясь. «А надоел», – холодно подумала она. Она не любила затянутых сцен.

Мужчина встал, прошел в гардеробную, вышел уже в дорогом светлом костюме и шелковой бежевой рубашке. Выражение его лица тоже стало каким-то «одетым». Наташа знала: в пиджаке он всегда начинает думать о делах.

– Да, чуть не забыл, – проговорил он, придиричиво разглядывая себя в зеркале. – Я присмотрел тебе квартиру на Арбате. В одном переулке. То есть практически взял ее.

– Ты что? Почему ж молчал? Когда посмотрим?

– Там тебе, собственно, пока смотреть нечего. Это коммуналка, и ее жильцы даже не догадываются, что они в ней практически не живут. Остались кое-какие формальности, потом надо все довести до ума, в общем, как всегда. Я пошел?

– Ты домой?

– Нет. Заеду в «Логово». Посмотрю, как они там без меня.

– Хорошо.

– Ты довольна? Ревнуешь меня к жене?

– Да ни боже мой. Просто приятно, что она помучается подольше.

– Ты добрая девушка.

– Я – исключительно добрая девушка. Надеюсь, ты это понимаешь.

Когда он наконец ушел, Наташа лениво поднялась, прошла в ванную своей тяжеловатой походкой, раскачивая полными бедрами. Открыла высокую резную шкатулку-сундучок на туалетном столике. Не считая, дотронулась до объемной пачки купюр. Захлопнула шкатулку. У раковины сполоснула лицо холодной водой, взяла из стакана зубную щетку, потянулась за пастой. Ах ты, прелесть какая: тюбик был обвит золотой цепочкой с красивым бриллиантовым кулоном. Наташа приложила его к загорелой шее, потом к губам. Этот поцелуй был по-настоящему нежным. В спальне она аккуратно положила кулон в отделение эксклюзивного комодика для украшений. Утро начиналось действительно хорошо. Наташа с разбегу плюхнулась на кровать, достала со столика ноутбук, поставила рядом. Вышла на сайт «Ты здесь нужен». Пробежалась по темам «неотложки». Вот. Маленькому Пете с лейкемией нужны деньги на лечение. Быстро напечатала сообщение под аккаунтом «ТИМ»: «Куда перевести 10 000?» Пошли дальше. Найден далматин. «ТИМ. Возьму на бесплатную передержку. Нужны подробности, чтобы дать ЦУ работникам. Звоните, телефон в профиле, расскажу, куда ехать». Ну, и для комплекта. Тема Голд «Солнечный лучик, выживший случайно. Щенок: полгода одиночества с переломом и открытой раной». Наташа быстро напечатала: «Дам 5000 р. На операцию у Ельцова. Пишите в...»

Алиса взглянула на часы. Полчетвертого утра. ТИМ начинает свои пожертвования. Всегда в это время. То ли бессонница, то ли час щедрот от полноты душевной. Странно, она не дописала. Уснула, что ли. Она быстро ответила: «Спасибо, Наташа. Вы откликнулись первой. Но собаку повезут не к Ельцову. В личку напишу».

Закрыв сайт, она вновь оказалась на последней странице своей работы. То есть чужой докторской диссертации. Еще немного, еще чуть-чуть... И в ее тумбочке появятся наконец какие-то деньги, а театр приобретет еще одного доктора – театроведа. Алиса внимательно прочитала страницу. Хорошо, логично, ясно... И ни о чем. Вроде бы есть оригинальная точка зрения, система взглядов, развитие мысли, стиль. Стиль – это ее конек. Это то, что она дарила заказчикам сверх гонорара. Она создавала каждому свой стиль, который невозможно перепутать с чьим-либо. В данном случае это должно компенсировать отсутствие главного: конкретной, внятной мысли всей работы. Ибо что такое – чеховский актер, кто такой чеховский актер, как он эволюционирует во времени, как несет в современном театре особую миссию... Да никак. Демагогия чистой воды. Есть хорошие актеры и плохие. Есть настолько хорошие, что даже сегодня могут Чехова сыграть, все остальное – притянутые обобщения, выво-

ды и лжеоткрытия. Забыла спросить: они сами придумывают себе темы диссертаций или получают их от кого-то? Неважно. Главное – все сделано на хорошем профессиональном уровне, не без страсти. Кто сказал, что мистификация – не повод для вдохновения?

...Когда Алиса в один прекрасный день стала инвалидом, перед ней возник не менее болезненный вопрос. Она что, теперь навсегда чья-то иждивенка? Сестры? Алекса? Они, конечно, не дадут понять, что им это в тягость, им на самом деле не в тягость, они все готовы сделать ради нее, но она сама... Как она смирится с этим сама? Ей посоветовали зарабатывать деньги по Интернету. Открыть свой сайт, продвигать какие-то товары, что-то еще... В ней все перевернулось от этой мысли. Была только одна возможность сохранить себя на плаву как работающего человека... Рецензии, диссертации о театре, кино. Только не о балете, конечно. О нем нужно забыть, иначе дышать невозможно. Алиса позвонила знакомым журналистам, преподавателям театральных вузов, которых знала еще студентами... Предложила, попробовала. Дело пошло.

Глава 4

Звонок раздался именно тогда, когда Алиса качнулась на первой, долгожданной волне сна.

– Ирма? Что случилось? Конечно, спала. Точнее, собралась...

– Извини, Алисочка, но ты не представляешь, что произошло. Ужас-ужас. Наташку ТИМ убили!

– То есть как? Откуда ты знаешь?

– Мне сообщила Нинка. Ну, Сиеста в смысле. Ей недавно позвонил то ли мент, то ли следователь, не знаю. В общем, она была последней, кто ночью этой ТИМ звонил. Спрашивали, типа – зачем? На допрос вызвали. Ты представляешь? Ты что, мне не веришь? Позвони Нинке.

– Верю, разумеется. Я просто осознать не могу.

– А я могу? Надо узнавать. Я поеду...

– Ты что? Куда?

– Ну, я не знаю. К ТИМ домой, в милицию. Ну, узнать же надо. Меня просто разорвать может.

– Ирма, ты не торопись. Раз начали звонки проверять, тебя точно вызовут. Тогда все и узнаешь. Мой тебе совет. Успокойся. Никому больше ничего не говори. Жди. Информация сама придет.

– Ты что! Я буду на телефонах сидеть. Я должна на форум выйти. Ой, не дай бог комп опять заглохнул. Я первая про

ТИМ расскажу.

* * *

Сергей Кольцов, следователь отдела по расследованию убийств, внимательно смотрел на сидящего перед ним парня. Интересное имечко – Рим. Лет двадцать пять, высокий, широкие плечи, правильное лицо, темные хмурые глаза, волна черных волос над широким лбом. Внешность явно имела значение для покойной при выборе прислуги.

– Как давно вы работаете у Натальи Сидоровой?

– Полтора года.

– Она сама вас нанимала?

– Да. Меня ей рекомендовали.

Рим отвечал односложно, по делу, ясно, что он человек, который лишнего не скажет. То есть постарается не сказать.

– Сейчас наши сотрудники осматривают дом. Может, вам известно, где покойная хранила ценности: деньги, украшения? Где сейфы, тайники?

– Насчет сейфов не знаю. Украшения – в шкатулке большой под зеркалом. Деньги – в тайнике. Картина над кроватью. Открывается просто выключателем на стене.

– Она вам показала, где хранит деньги и драгоценности?

– Она от меня ничего не скрывала.

– Особые отношения?

– Не знаю.

– Но отношения?

– Да.

– У нее были приятели, которые ее содержали. Вы как: в очереди, до, после?

– Всегда.

– Понятно. Вы любили ее?

– Нет.

– А что?

– Платила хорошо.

– Цинично. Молодая, привлекательная женщина. Действительно – никаких чувств?

– Я не буду отвечать.

– Но привлекательная?

– Да.

– Сколько денег было в тайнике, какие украшения в шкатулке, знаете?

– Не знаю, сколько денег. Какие-то украшения видел.

Толя Стрельников, сотрудник отдела по расследованию убийств, серьезный, четкий человек, а по виду толстый увальнь с добродушным лицом, он сам работал на этот имидж, вошел в комнату, лениво облокотился о барную стойку и негромко сказал:

– Сергей Александрович, ребята уже с ног сбились, шаря по скромному жилищу одинокой девушки. Мы имеем два сейфа, бюро с большим количеством отделений, запертых на ключ, эксклюзивную шкатулку с немалым количеством дра-

гоценностей, произведения искусства – подлинники.

– Мы имеем еще тайник над кроватью. Картина. Открывается выключателем на стенке. Рим сказал. Работник Сидоровой, – добавил Кольцов.

– Рад познакомиться, – учтиво склонил голову Толя. – Спасибо за помощь следствию. Я вижу, разговор у вас плодотворный. Тогда я коротко. Входящих звонков – немеренное количество. Проверил только один, неотвеченный вызов, предположительно уже после убийства. Знакомая – данные записал – звонит в четыре утра якобы для того, чтобы попросить денег на некий приют, но при этом не знает фамилии покойной. Кличкой какой-то ее называет. Тим, что ли. Ник, видимо. Она мне что-то говорила про некий форум. Я пока не вникал. Личность человека, который провел здесь эту ночь, как, впрочем, и многие другие, установлена с помощью охранников. Сережа, можно задать вопрос работнику? Скажите, пожалуйста, у покойной есть родственники? Они здесь бывали?

Рим ответил, не поднимая головы:

– У Наташи есть мать и сестра. Они не в Москве. Я никогда их не видел.

– Понятно. – Толя подошел к Сергею с мобильным телефоном в руках. – Наверняка это переписка любящих сестер. Вот входящая эсэмэс: «Слушай, ты! В третий раз пишу: мать в больнице. У меня нет денег перевести ее в отдельную палату. У меня нет денег на лекарства. У тебя они есть. Вот толь-

ко совести нет. Я жду два дня. Потом буду что-то предпринимать. Хоть через суд. Я предупредила». Ответ покойной: «Ты обратись сразу в ООН. Ты когда-нибудь что-то получала от меня с помощью угроз? Дура. Вот потому и нет денег».

– Бери телефон, – устало сказал Сергей, – делай распечатку. Ноут тоже возьми. Будем разбираться в этих сладких отношениях. В том числе и с виртуальными персонажами. О! Вот и Александр Васильевич. Рим, вы пока свободны. Разумеется, просьба не покидать особняк. Когда приходят кухарка и горничная?

– К десяти, – буркнул Рим.

– Они тоже пусть будут доступны. Мы с ними свяжемся. Толя, завершай осмотр, а я поговорю с экспертом. Потом посмотрим, что за тайник.

Сергей и эксперт Александр Васильевич вышли на террасу, дружно закурили.

– Давно я не встречал такого дремучего преступления, – произнес эксперт.

– В смысле?

– Горло перерезали опасной бритвой, скорее всего. У кого сейчас есть подобный экспонат, даже не придумаю.

– Маньяк-ветеран?

– Могу лишь сказать, что с большой силой рубанули. Но обязательно физически сильный человек. В общем, такое впечатление, что со страшной ненавистью. Она умерла почти мгновенно, а убийца не мог остановиться...

– Черт. Охрана, сигнализация, прислуга, любовник. Кто-то из них, что ли?

– Колай, Сережа. Я в тебя верю.

...Сергей щелкнул выключателем, и большая картина над кроватью отъехала в сторону. В освещенной нише уютно лежали высокие стопки купюр.

– Толя, давай пересчитывай эти бумажки. Я пас. Я пока почитаю телефонную переписку с основной наследницей.

Каждый занимался своим делом сосредоточенно.

– У меня в принципе все, – удовлетворенно заявил наконец Анатолий. – Сущие копейки: шестьсот тридцать три тысячи качественных американских рублей. О чем пишут любящие сестры?

– О мертвых или хорошо... – задумчиво ответил Сергей. – Что касается живых, то они нищие, похоже, в самом грубом смысле слова. Были...

– Так. Я не понял, мы эти карманные расходы изымаем, или как?

– Да нет. С какой стати? Тайник, он и есть тайник. О нем могла только сестра знать. Да любимый работник. Давай клади все на место. Вызовем сестру, объясним.

Они нашли Рима, Сергей показал на бумажке сумму, которая хранилась в тайнике.

– Приедет новая хозяйка, покажи ей, где, как, что. Договорились?

– Да, – буркнул Рим.

Глава 5

Стелла, непричесанная и неумытая, сидела у компьютера и разглядывала фото на мониторе через большую лупу. Потом встала, походила по комнате, решительно набрала номер.

– Борис Абрамович, здравствуйте, вы меня узнаете?

– А почему я должен вас узнавать? Вы что, не можете назваться?

– Могу, Борис Абрамович. Я Стелла. Помните, вы у меня покупали колечко старинное? Сапфир, жемчуг...

– А. И чей-то вензель. Помню. Что-нибудь еще хотите предложить?

– Да нет. Просто меня попросили кому-нибудь показать фото одного гарнитура. Вроде тоже старинный. Надеюсь, потом захотят продать. Интересно, можно по фотографии сказать: это точно настоящие украшения или подделка? В смысле: есть такие профессионалы, которые могут...

– Я не знаю, есть ли такие профессионалы. Вы хотите показать мне фото? Надо так и говорить.

– Так надо и говорю.

– Показывайте.

– Можно вам скинуть на почту?

– Да, диктую адрес. Потом позвоните, я посмотрю. Думаю, ничего определенного не скажу.

– Ой, спасибо. Ловите.

Стелла отправила снимок. Потом пошарила по Интернету в поисках интересных объявлений. Кое-что скопировала. Зевнула. Однако надо и на работу собираться. Когда она встала перед зеркалом, одетая, в макияже, с блестящими гладкими волосами, это был просто другой человек. Бесцветное, вялое лицо вдруг сделалось выразительным, никакая в принципе фигура, затянутая там, где надо, открытая, где можно, скрытая, где нужно, – стала практически безупречной. Стелла с удовольствием смотрела на свое отражение. Она выглядела именно так, как должна выглядеть эффектная секретарша большого банка. Собственно, там она и работала. Она уже собралась выходить, когда позвонил телефон.

– Серафима Ивановна?

– Ну, да, я. Это кто?

– Вас беспокоит следователь отдела по расследованию убийств Кольцов. Вы не могли бы к нам подъехать сегодня или в другой день?

– Куда?! Зачем?

– Убита ваша знакомая. Наталья Сидорова. Мы нашли ваш номер в ее телефонной книге.

– Я не поняла. Кто убит? А, Наташка... Я забыла ее фамилию. То есть как? Когда? Кто ее убил?

– Мы об этом поговорим, когда вы приедете. Запишите, пожалуйста, адрес. Позвоните, когда будете точно знать вре-

мя визита.

Стелла рухнула на диван, положила рядом с собой бумажку с адресом и долго сидела, неподвижно глядя перед собой. «Блин», – наконец выдохнула она и вытерла ладонью пот со лба.

* * *

Настя плакала. Ее лицо уже опухло от слез, мокрыми были рукава серой застиранной кофты-самовяза. Она сжимала в отчаянии руки, сухие, обветренные, с короткими обломанными ногтями. На нее, не моргая, смотрели две собаки: лопоухая Джуня, бракованная восточноевропейская овчарка, и черно-бурый пушистик Чарлик. Насте было стыдно перед ними за свою истерику. Она оправдывалась:

– Понимаете, эта Наташа... Такая хорошая девушка. Она приехала однажды, привезла деньги, когда тебе, Джуня, нужно было делать операцию. Ты тогда еще мне не принадлежала. Не надо, девочка, не вспоминай. Я просто плачу от того, что ей было больно. Такая добрая, красивая девушка. Как же так? Я не могу понять. Не могу пережить. Не могу успокоиться.

Настя набрала номер дрожащими пальцами.

– Алиса, ты знаешь, да? Какая беда. Мне сказал следователь, они меня пригласили для дачи показаний. Не знаю, какие показания. Но кто мог убить, как ты думаешь, Лис?

– Настя, как я могу что-то предположить? Я ее даже не знала. Перебрасывались словами на форуме, и все. А ты с ней встречалась?

– Да. В том-то и дело. Знаешь, она такая... Сильная, эффектная, здоровая... Живая она, понимаешь. Ирма сказала, ей перерезали горло... Я из-за этого просто дышать не могу.

– Ирма-то откуда знает? Наверное, завела себе собеседников в милиции или прокуратуре. Слушай, Настя, ты эту информацию из головы срочно выброси. Ты слишком впечатлительная. Не факт, что все так, как Ирма сказала.

– Но ей было больно! Понимаешь! И ничего нельзя поделать!

– Послушай, Настюха, приезжай ко мне. Попьем чаю, поговорим, ну, я не знаю, телевизор, что ли, посмотрим. У меня фильмы хорошие есть.

– Спасибо, Лис. Я бы приехала, конечно. Я просто мечтаю к тебе приехать. Только я сейчас своих ребят оставить никак не могу. Я их так растревожила, испугала своим воем. Знаешь, как они на меня смотрят. Ты не беспокойся. Я соберусь, мы с ними пойдем погуляем. Потом позвоню тебе, ладно? Я не знаю, что мне говорить там, куда меня вызывают.

– Ну, отвечай на вопросы, и все. Много ты им все равно не можешь рассказать.

– Да, конечно. Спасибо тебе.

Алиса отложила телефон, страдальчески морщась. «Настя. Совершенно обнаженные нервы, открытая, беззащитная

душа. Так все воспринимать. Чужой ей человек, по сути. Конечно, страшно. Конечно, жалко... Кто мог... За что... Почему именно ее... Меня, видимо, не позовут. Я, к счастью, никогда не звонила Наташе ТИМ».

Как водится, телефон зазвонил именно на этом месте.

– Алиса Георгиевна? Вас беспокоит следователь Кольцов...

Алиса выслушала следователя до конца, потом спросила:

– Прошу прощения, а почему вы меня вызываете? Я не была лично знакома с убитой.

– Ну, вы же ее знали. По этому вашему форуму. Если честно, телефон дала мне ваша знакомая – Ирма Георгадзе. Она сказала, что вы очень умная, можете нам что-то интересное рассказать.

– Господи боже мой, такого я даже от нее не ожидала. Вы поймите, она большая фантазерка, эта Ирма. Я ничего не знаю. И самое главное она забыла вам сказать. Я не могу приехать... Дело в том, что я не хожу.

– Прошу прощения. А к вам нельзя заглянуть? Ирма описала нам сложное виртуальное переплетение большого количества людей. Нам очень нужна помощь человека, адекватно все это воспринимающего.

– Конечно. Пожалуйста. Если я вас интересую как теоретик...

Глава 6

Геннадий уже несколько часов сидел один за столом в своей необъятной гостиной. Большая бутылка коньяка почти опустела. Он был абсолютно трезв. Он пил для того, чтобы остановить безумную пляску обрывочных мыслей, унять смятение, нащупать какую-то логическую связь и, стало быть, увидеть выход. Что произошло в его жизни... Погибла женщина, с которой его связывали сложные отношения. Во-первых... Вот именно: а что во-первых? Насколько он привязан к Наташе, испытывает ли сейчас боль, скорбь, чувство потери? Или это страх, что при расследовании убийства кто-то слишком любопытный сунет нос в его дела? Или жуткая досада из-за того, что он не успел вовремя подстраховаться... Елки-палки, пожалуй, это оно. Геннадий тяжело встал и достал с полки вторую бутылку.

Когда они познакомились, Наташа жила на содержании довольно известного политика и большого аферюги в бизнесе. Дом, в котором она жила, принадлежал как раз ему. Ее квартира на Чистых Прудах – тоже. Он выплачивал ей ежемесячно нехилую сумму, делал серьезные подарки – оригиналы картин, иконы, старинные украшения, антикварную мебель, но все оформлял как собственные вещи, переданные ей на хранение. Какие интересные документы она подписывала... При этом, конечно, ни в чем себя не ограничи-

вала. Но в любой момент могла стать той неуклюжей дева-
хой из-под Саратова, какой приехала в Москву. Поскольку
даже деньги лежали на счетах, которыми она пользовалась
по доверенностям.

В общем, из случайных любовников они превратились в
соучастников. Понадобилась большая работа, привлечение
серьезных людей, масса информации... Был великий риск,
шантаж с размахом, короче, пан или пропал. Геннадий пом-
нил ночь, когда он заливал водку в Наташины синие от стра-
ха губы и его руки тряслись. Особняк окружил ОМОН, и
в любой момент мог начаться штурм. Их бы просто при-
стрелили при сопротивлении, захватчиков чужой собствен-
ности. Но все сработало вовремя. Геннадий не зря платил су-
масшедшие деньги настоящим профи. Где-то раздался нуж-
ный звонок, кому-то курьер доставил пакет с копиями любо-
пытных документов, жена политика открыла видео на сво-
ем компьютере, его дети за границей, выйдя из школы, се-
ли в машину, за рулем которой сидел не их водитель. Полу-
чилось. Наташа стала владелицей всего, что ей не принад-
лежало. Жена политика пыталась покончить с собой. Генна-
дий тогда был беднее своей любовницы. Он все деньги вкла-
дывал в бизнес. Потом просто не сообразил вовремя оста-
новиться. По привычке приобретал в Наташину собствен-
ность участки, недвижимость, переводил крупные суммы на
ее счета. Купил ей два московских бутика, правда, управля-
ющим директором назначил свою давнюю знакомую. Ирку

Менделееву. Как теперь с ними быть? У Наташи есть родственники. Наследники по закону. Надо же так лопухнуться! Ему казалось, что он обеспечивает свое будущее. Бизнес мог лопнуть, от жены нужно уходить, а тут есть закаленный в боях товарищ, обязанный ему всем... Просто некогда было как-то закрепить их союз.

– По какому поводу пьянка в одиночку? – Геннадий вздрогнул, услышав за спиной голос жены, но не повернулся к ней. – Что ж ты меня не пригласил на свои поминки?

– Что? Ты о чем, Вера? – Он почти испуганно посмотрел в бледное, напряженное лицо жены.

– О том, что бл... твою кто-то прикончил. А меня, между прочим, вызывают для дачи показаний. Может, посоветуешь, что мне им показать?

– Я не понимаю... То есть как тебя вызывают? Я не знал. Почему...

– Ах, ты не понимаешь! Так я тебе объясню. Ты ж как был дубиной безграмотной, так им и остался. Из-за того, что ты мразь и подонок, я теперь – главная подозреваемая. Сообщаешь? Эту суку наконец пришили, а мотив есть у меня! Мой муж не только с ней спал, он меня обворовывал, собирался меня нищей оставить.

Вера трясущимися руками плеснула себе коньяку в стакан, выпила залпом и швырнула его в огромную зеркальную витрину. Что-то окончательно разбилось в ней самой, когда зазвенело осыпавшееся стекло. Она упала на колени и стала

колотить кулаками пол. Геннадий с ужасом слушал ее вой: «Я уже не знаю, может, это я убила. Я столько раз делала это в мыслях... Я одного хочу, чтобы эта тварь оказалась жива, а я бы убила ее еще раз... Ненавижу тебя...»

* * *

Второй час подряд некастрированный кот издавал утробные звуки, раздирая когтями диванную подушку, соседи без устали стучали шваброй в стену, а Ирма Георгадзе с пылающими от волнения щеками била по клавиатуре компьютера.

«Прощай, дорогая Наташа ТИМ, и прости меня за все. Только я виновата в том, что так рано и трагически оборвалась твоя молодая жизнь. Ты была всем хороша и всеми любима. Ты в одном была виновата перед нелюдями, ворвавшись ночью в твой тихий дом. В том, что не побоялась стать моей подругой. Что помогала вместе со мной обездоленным детям, нищим и больным старикам, бездомным животным. Не простили тебе этого ненавистники всего живого. Жалкие трусы, которым я оказалась не по зубам. Ничего, моя девочка, им это с рук не сойдет. Они заплатят своей грязной кровью...»

Ирма резко повернулась к коту: «Ты можешь заткнуться на минуту? Нашел время. Ну-ка замолчи». Она схватила плед с кресла и накрыла им воющий, взъерошенный комок. Вопли превратились в глухое, недоуменное урчание.

Что позволило Ирме услышать телефонный звонок.

– Да, Стелла. Да, дорогая. Я как? Я в трансе, шоке. Пишу вот сейчас прощание в тему Наташи. Да, нет слов. Просто нет слов.

– Ты права, Ирмуля. Я тоже места себе не нахожу. Захотела сейчас как-то отвлечься, настроение поднять, если это возможно, конечно. Читаю о свадьбе твоей дочери. Как же здорово ты пишешь! Такое чувство, что я сама там была, вот просто вижу все это. И фотки классные.

– Спасибо, девочка. Да, знаешь, хорошо, когда есть с кем поделиться и горем, и радостью. Кстати, как тебе ее платье? Мы заказывали его у одного дизайнера в Мадриде. У него еще узкий, элитный круг заказчиков. Принцесса Монако, Моника Белуччи...

– Да, я, конечно, поняла, что это не магазин. И украшения стильные. Слушай, ты писала, что подарила дочери ваш фамильный гарнитур, ну, который тебе достался по наследству от фрейлины не помню кого. Она его носит?

– Ну, что ты. Это же целое состояние. Я, конечно, его ей подарила. Так, как мне подарила его моя мама в свое время. А маме – моя бабушка. Он останется у меня, пока у нее не родится дочь. Понимаешь? Именно дочь. Так у нас повелось в роду. Если первым родится мальчик, украшения у меня лежат. Пока не родится дочь. Потом я передам ей. А моя дочь – своей дочери...

– А та своей, если дочь родится... Я въехала, Ирма. Толь-

ко вдруг у твоей дочери пойдут пацаны строем. А? Придется им строгать, пока дочка получится? Шучу, конечно, но что-то у вас тут недосмотр в планах.

– Ой, рассмешила. Ты очень остроумная. Просто обожаю твой юмор. Когда ко мне опять в гости выберешься? У меня для тебя... Ну, не буду рассказывать. Скорее приедешь.

– Ну, все. Зарядила ты меня. Теперь спать не буду. Ну, какая же ты... Жди. Приеду, как только вырвусь, да еще с тортом. Ты какой любишь?

– Ой, я люблю очень сладкий, жирный и вредный.

– Заказ принят. Бум-це. Пока-пока.

Стелла разъединилась и с сосредоточенным видом набрала другой номер.

– Борис Абрамович? Узнали меня на этот раз? Стелла. Я вам фотку посылала...

– Что я хочу сказать. Это могут быть настоящие украшения. Не дам стопроцентной гарантии, но... Понимаете, дело не в том, что похоже, все хорошие подделки похожи. Я просто чувствую... мне трудно вам объяснить...

– Я понимаю, – задумчиво произнесла Стелла. – Все говорят, что вы гений.

Глава 7

Это была непростая девушка. Она, конечно, похожа на сотни других, легко и беззвучно скользящих мимо с такими же непроницаемыми, невыразительными лицами, и каждое лицо – непонятная, недоступная, возможно, опасная тайна. Азия.

Сергей посмотрел ей прямо в глаза. Она не отвела их, не смутилась, не растерялась. Просто его взгляд наткнулся как будто на стекло аквариума, за которым темная вода.

- Как вас зовут?
- Сандра.
- А по паспорту?
- Фатима.
- Фатима Рустамова. Вы сказали дежурному, что у вас нет паспорта. Где он?
- Он у хозяйки.
- Где именно?
- Был в бюро у окна в кабинете.
- Как давно вы работаете горничной у Сидоровой?
- Восемь месяцев.
- У вас были деловые или дружеские отношения?
- Я служанка.
- Так. Сидорова вам нравилась как человек?
- Я не знаю.

– Ну, все-таки. Она была доброй женщиной или злой, грубой? Она тактично себя вела по отношению к прислуге или нет? Какое-то мнение у вас должно быть.

– Хозяйка была отвратительной, грязной женщиной.

– О как! Вы аргументируете свои слова?

– Вы сами знаете, как она зарабатывала свои деньги.

– Прошу прощения, вы ей не завидовали случайно?

– Ей любая женщина позавидовала бы, но не каждая бы так смогла.

– Как «так»?

– По-скотски.

– Понятно. Вы с кем-то дружите в доме?

– Нет.

– А вне дома?

– Тоже нет.

– В котором часу вы уходите вечером с работы?

– В девять.

– Где живете?

– Снимаю квартиру в соседнем поселке.

– Когда вы уходили в тот вечер, ничего необычного не заметили?

– Нет, все было как всегда. Сначала приехала хозяйка, потом ее друг – Геннадий. Я встретила с ним в холле.

– Он вам нравится?

– Он... обычный человек.

– Знаете, мне просто любопытно. Вы очень интересная де-

вушка. Кто, например, вам может показаться необычным человеком? Ну, есть такие?

– Вы все равно узнаете... Мне нравится Рим. Мы встречаемся.

* * *

Ирма посмотрела на свое отражение в зеркале, на слезу, заблестевшую под правым глазом, порывисто вернулась к компьютеру и села дописывать свой пост.

«Они заплатят своей грязной кровью за те горькие минуты, которые переживаем мы, оставшись без светлой подруги, за слезы сирот, которым Наташа больше не подарит своей любви, за муки беззащитных стариков и животных. Мы помним о тебе, моя девочка, и потому не забудем о твоих убийцах. О наших убийцах. Светлая тебе память».

Ирма рыдала уже в голос, вытирала слезы тыльной стороной ладони и сморкалась в большой клетчатый платок. Она отправила сообщение, обновила страницу и стала ждать реакции.

Пошли ответы. «Ирма, лучше не скажешь. Пусть земля ей будет пухом». «Ирма, я плачу». «И я». Ирма прижала платок к глазам. Когда она их открыла, ей стало дурно. Это просто невозможно. Что написал этот придурок! «Я уже два дня читаю о том, что вы плачете. Но неужели нельзя написать нормально: за что ее грохнули и кто?»

– Нет, ты представляешь, – Ирма вскочила и обратилась к отдыхающему от самого себя коту. – Что в голове у этого мерзавца, Гомера. Какая наглость – Гомером он себя назвал, сволочь тупая.

Ирма бросилась к телефону.

– Стелла, ты читала, что в теме Наташи написал Гомер?

– Ой, ты что, я никогда его не читаю. Это же такой п...бол.

– Да, точное определение. Но ты представляешь, по такому поводу, в такой теме!.. Это значит, у него нет ничего святого.

– Ирмуль, не будь ребенком. Ну, что святое ты пришла искать на наш форум? Мы там просто срач разводим, потом его сами разгребаем и во время этого действия друг друга имеем.

– Это как? Я пытаюсь себе представить то, что ты сказала.

– Не парься. Отвлекись. Я через пару часов, наверное, буду мимо тебя проезжать. Загляну, ты не против?

– Спрашиваешь?

* * *

Валя Сидорова горячими сухими глазами смотрела прямо перед собой в голую стену. Наташку убили. День и ночь в ее тяжелой, больной голове бьются эти слова. Вот была два дня назад Наташка, родная сестра, здоровая, сильная, наглая. И вдруг – ее нет. Просто нет. Кричи, пиши, звони. Все последние годы Валя только и делала, что кричала, писала, звони-

ла. В ней все запеклось от обиды, несправедливости. Она не ждала уже, что Наташка придет, как приезжают все сестры. Она тупо требовала от нее денег на мать. Иногда Наташка присылала. Чаше раздражалась, хамила, просто издевалась. Она никогда не была понятным, простым, хорошим человеком. Какая-то дурная смесь определяла ее чувства и поступки. Смесь... Чистая мамина кровь и кровь того типа, который, к счастью, не захотел стать отчимом Валентины. Наташку он любил. Приезжал к ней. Вот его приезды, наверное, и сломали детские мозги. Он обращался с Наткой так, что было понятно: мать и Валю он просто за людей не считает. Наташка решила, что родилась королевой. Подстилкой дорогой она, оказывается, родилась, а не королевой. Валя сейчас сознательно будила в себе гнев, обиду, чтобы не разнылось сердце от потери. Ей раскисать нельзя.

– Валя, дочка, – позвала мать из соседней комнаты.

– Чего тебе, мама?

– Иди сюда. Достань мне альбом.

Валя молча вошла, взяла с полки старый, дешевый альбом с фотографиями, молча положила матери на кровать. Молча вышла из комнаты. Нет, она в этом участвовать не будет. Она не станет вспоминать розовую пухлую девочку с широко расставленными круглыми глазами. С коротким носом в веснушках, светлой челкой...

– Валя, Валя, иди же ко мне, я не могу!

Это был не крик, а хриплый вопль. Валя влетела в ком-

нату, руки трясутся, сердце вон... Мать, скрутившись в комок, дрожала и хватала губами воздух. В руке сжимала выцветший снимок. Девочка с широко расставленными глазами, коротким носом в веснушках, со светлой челкой.

– Отдайте мне моего ребенка. Где моя деточка, девочка золотая. Моя сладкая, моя теплая, родная ласточка. Моя единственная...

Единственная. Валя стояла, окаменев. Страшное одиночество сжало ее сердце. Она всегда, в любую минуту, за мать готова была жизнь отдать. А той нужна только Наташка... «Мама не сможет это пережить», – вдруг совершенно отчетливо подумала Валя. Рванулась к ней, крепко сжала ее плечи, стала целовать мокрые щеки.

– Мама, мамочка моя. Эта маленькая девочка осталась с нами. Той Наташи нет, а эта к нам вернулась...

Валя долго баюкала мать, как маленького ребенка, пока та не уснула, обессилив от слез.

Глава 8

– Вот скажи мне, Сережа, – Толя Стрельников вошел в кабинет своей вальяжной походкой, сел на стол, небрежно бросив небольшой пакет на пол, и посмотрел на Сергея как на свой последний шанс. – Скажи, друг, чувствуешь ли ты иногда неистребимую потребность рассказать о себе всему свету? Или спросить у всего света, как у него дела? И выслушать каждого, кто тебе ответит. И что-то брякнуть каждому в ответ. Скажи, у тебя такое бывает или я заболел? Заразился?

– Понятно. Ты сидел на их форуме.

– Я сидел на нем, лежал... Я плакал, чесслово. Зарегистрировался, ник себе придумал – «Левая нога». Полчаса пытался написать ответ в одну тему. Не, я в разные отвечал, а получалось почему-то одно и то же: «Вы че, в натуре?» Они мне сразу крылья подрезали. Как навалились! Этот, пишут, тролль – отморозок. Мы его знаем. Он наше чистое дело хочет обос... Ты извини, конечно, общаются, типа, одни девушки, Машами да Танями друг друга зовут. Но пьяный сапожник, почитав это, рыдал бы, как дитя, от зависти. От бессилия выразить мысль.

– Слушай, я тебе задание дал, а не развлечение посоветовал.

– Да, задание. И я честно отдал свой мозг на растерзание.

Сейчас решил, что нам надо силы поберечь. Ведь того и гляди завтра опять кого-то убьют, а мы не здесь, мы в эфире. Хотел еды купить нормальной. Но, как тебе известно, зарплата послезавтра, поэтому ты уж прости за эту фигню. Пиво принес, колбасу выбрал под цвет наших обоев да так называемое крабовое мясо. Ключевое слово – мясо, потому и взял. Давай сдвигай свои папки.

– По делу есть что-нибудь? – Выпив пива, Сергей с интересом посмотрел в потустороннее лицо Толи.

– Да, есть. Дел у них там, честно, полно. Деньги немалые крутятся. Люди есть любопытные. Такой, в частности, была и эта Сидорова, по-ихнему – ТИМ. Она как спонсор себя позиционировала. Где операция, где несчастный случай, она тут как тут. Суммы довольно крупные предлагала. Тон сухой, достаточно высокомерный. Без всяких муси-пуси, берите мои бабуси, пусть только поправляются ваши гуси... Сереж, тебе не кажется, что я говорю стихами?

– Слушай, может, нам тему сменить, чтобы ты немного освежился? Я начинаю пугаться.

– Я тоже. Тему сменить невозможно. Так вот. Наша ТИМ. Я заметил, что когда она предлагает деньги на операцию, то всегда вызывается отвезти пациента к определенным врачам. Или на свои собачьи передержки. Если люди выбирали других врачей или передержки, она денег не давала. Просто пропадала из темы.

– Что такое передержки?

– Черт знает, что такое. Куда смотрит милиция? Это люди, которые за деньги берут к себе на содержание бездомных собак и кошек. Такса – от двухсот рублей в сутки до пятисот примерно. Значит, одна такая может набрать десятки, а то и сотни собак на передержку. Корм они считают отдельно. То есть плата – целиком ее заработок. Ну, прикинь: тридцать, скажем, собак по девять тысяч в месяц каждая. Получается двести семьдесят тысяч. В результате то и дело возникают скандалы: деньги идут, а собака давно пропала, сбежала или умерла. Или забирают скелеты, которых не кормили, не поили, находят их прикрученными к батареям, с завязанными мордами, в общем, тихий ужас. Ну, я отвлекся.

– Да уж.

– Но я к тому, что, возможно, ТИМ имела процент с каких-то передержек и от определенных врачей, которым она поставляла клиентов. На врачей собираются вообще охрентельные суммы. И на ветеринаров, и на человеческих.

– То есть она на своей благотворительности могла наживаться?

– И не она одна.

– Но ТИМ в такой зарплате, мягко говоря, не нуждалась.

– Алчная, похоже, была бабенка.

– Слушай, и там что, все сплошная лажа, обдиралово?

– Да нет. Там есть и странные люди не от мира сего. На одну я даже захотел посмотреть. Ее ник «Кокошанель». Не знаю, из каких соображений его выбрала. А сама просто бла-

женная. Каких-то собак, кошек переломанных, искалеченных все время тащит, платит за них, ей кидают копейки, она благодарит... Мне интересно увидеть это, если честно, уродство.

– Ты чего? Почему уродство?

– Ну, я в смысле – отклонение от нормы.

– А если это тоже разводилово? Нет никаких переломанных собак-кошек в природе?

– Может быть, вполне. Тогда тем более хочу посмотреть. Скажу тебе по секрету: в театр меня только в детстве водили. Вызвал я эту Кокошанель на завтра по делу ТИМ.

* * *

Настя встала в пять утра, вывела собак, привела, помыла, покормила. Затем опять оделась, взяла с балкона приготовленный с вечера пакет и пошла по дворам. Сначала Ралика нашла в подъезде выселенного дома, тоже покормила, сунула таблетки, потрепала теплую меховую голову. Потом пошла к подвалу, разложила в мисочки кошачий корм. Кошки, потягиваясь, стали появляться из проема, тереться об ее ноги. Настя посмотрела на свою обувь и ужаснулась. Боже, их не отмыть уже, а почистить нечем. А ей на допрос, между прочим, идти. Сапоги одни. Домой она бежала. Первым делом бросилась мыть обувь под краном, потом стала вытирать ее старым полотенцем, подумала, взяла с полки баноч-

ку крема «Нивея» и тщательно намазала, втерла. Посмотрела на свет. А что? Вполне прилично. Если уж лицо можно мазать, то сапогам не повредит. Особенно этим. Она выпила большую чашку крепкого черного кофе, долго стояла под душем и терла себя жесткой мочалкой. Вошла в комнату и несколько минут с тоской и надеждой смотрела на расстеленную кровать. Еще можно все отменить. Залезть под одеяло, намурлыкать себе какую-нибудь мелодию и уплыть в сон. Потом проснуться, позвонить следователю, сказать, что заболела, и доспать еще часок. Потом... Настя, как всегда, оборвала сладкие мечты. Она себя баловать не привыкла. Началось самое сложное. Она открыла шкаф. Собственно, что уж тут усложнять особенно. Брюки черные на выход у нее одни. И после каждого официального применения она их стирала, отпаривала, гладила. Свитер. Она выбрала тонкий, красивый, бежевый, надела, посмотрела в зеркало и ахнула. Совсем забыла. Через весь подбородок – огромная красная царапина. Кошку вчера отлавливала на стерилизацию. Вот ужас. Они там, конечно, подумают, что это след пьяной драки. Настя сняла бежевый свитер и надела повседневный – темно-серый, длинный, бесформенный, с огромным воротом, которым можно закрыть не только подбородок, но и все лицо до очков.

Вообще-то все. Если не считать волос. Голову Настя вымыла вечером, точнее, уже ночью. Некогда было ждать, когда высохнет, легла спать так. Теперь ее золотисто-русые во-

лосы торчали в разные стороны. Она свирепо зачесала их назад, стянула резинкой, подумала и пригладила легким слоем мусса. Надела большие очки, которые давно уже пора заменить, опять взглянула в зеркало. Нормально. Училка, каких показывают в бездарных фильмах. Проверила содержимое сумки: кошелек, носовой платок, мобильный телефон, блокнот и ручка.

– Я скоро вернусь, – сказала она погрустневшим собачкам, – миленькие вы мои.

Влезла в куртку всех сезонов, накинула капюшон, вздохнула и открыла дверь. В данный момент она хотела только одного, чтобы все это мероприятие наконец закончилось. Для таких трусих, как она, нужно придумать допрос под наркозом.

– Здравствуйте, Анастасия Воронцова, – приветливо сказал Анатолий, окинув внимательным взглядом посетительницу. – Проходите, садитесь, куртку можете повесить на вешалку.

– Да, конечно, спасибо.

Настя села, нервно сжала в руках сумку.

– Поверьте, сказать мне совершенно нечего. Я просто ничего не знаю.

– Ну, что значит нечего? Скажите, например, вы любите французские духи? – Толя спросил и одновременно подумал, не слишком ли это бестактно. Французские духи и эта девушка могли существовать друг без друга.

– Я не поняла вопроса. При чем здесь духи?

– Почему Кокошанель?

– А! Мне просто очень нравится образ Шанель. Ее духи...

В принципе тоже.

– Но можно и без них обойтись, да?

– Конечно.

– А Наталья Сидорова, ТИМ, – она была шикарной, дорогой женщиной или просто богатой?

– Нет-нет. Совсем не то. Я не знаю, сколько у нее было денег. Мне известно лишь, что она хотела деньгами кому-то помочь. Она была уверенным в себе и добрым человеком.

– То есть вы так считаете.

– Да.

– Как близко вы с ней были знакомы?

– Совсем не близко. Несколько раз говорили по телефону. Переписывались коротко в темах форума, один раз она приехала, привезла деньги на осмотр моего Шоколада.

– Кого, не понял?

– Собаку так зовут. Шоколад. Я его куратор, ну, проще – опекун. У него был вывихнут и сломан сустав на лапке.

– Она давала вам деньги на определенного врача?

– Ну, она знала, к кому я везу Шоки.

– Расскажите, как вы встретились, что она говорила, как выглядела.

– Она приехала вечером на своей машине к моему метро. Я села рядом с ней. Она выглядела... ну, я не знаю, как

описать. Ясные глаза, хороший цвет лица, приятная улыбка, светлая пушистая челка... Голубая норковая шуба. Ей шла очень.

– Большинство женщин начали бы с шубы...

– Ну, нет, не думаю. Разговор был коротким. Она дала мне три тысячи рублей на осмотр у Ельцова, сказала, что если понадобится операция, то поможет еще.

– Помогла?

– Ну, там целая история возникла. Я отказалась лечить собаку у этого врача. Везла к другим, в общем, потом сама какие-то деньги получила за работу, мне помогли, Наташина помощь не понадобилась. Я не обращалась к ней.

– А она не спросила, нужна ли помощь?

– Она, видимо, прочитала, что деньги есть. Я писала в теле.

– И что, вы выбрали другого врача, да?

– Да.

– А почему, интересно?

– Я была потрясена. Все только и говорили, какой великий этот Ельцов, а он... Нет, вы не представляете. – Настя в волнении оттянула ворот свитера, вытащила резинку из волос, которые и так норовили из нее выскользнуть. – Он оказался грубым и бесчувственным мужланом. И совершенно непрофессиональным человеком. Он моего Шоки ударил головой о стол перед рентгеном. А потом толкнул его с высоты на больную лапу. После чего Шоки не мог дойти до машины. Я

практически неслала его на руках. Поэтому я не поверила его заключению и поехала к другому хирургу. Оказалось, Ельцов не заметил, что у Шоки вывихнут и раздроблен сустав...

Настя всхлипнула, полезла в сумку за платком, сняла очки и вытерла глаза.

– Вот безобразие, – рассеянно пробормотал Толя, перебирая бумаги на столе. Он поднял глаза на посетительницу, чтобы прервать ее рассказ вопросом по делу, и обалдел совершенно. На него смотрели смятенные, встревоженные, невероятно прекрасные глаза. Огромные, карие, бархатные, в длинных ресницах, они осветили бледное, чуть порозовевшее лицо цвета дорогого фарфора, грубый ворот свитера открыл нежный подбородок с царапиной и прелестный рот. – Да, дела, – Толя вытер платком лоб, потянулся за сигаретами, отодвинул их, – дела у нас невероятные, конечно, с этим, как вы его называли...

– Ельцовым.

– Да, и с ним. И с ТИМ. Скажите, а что вы лично делаете на этом форуме?

– Понимаете, у меня нет машины, денег, я не очень решительная, я просто не очень сильная физически. Что бы я делала без форума с тем же Шоколадом? Он весит пятьдесят килограммов, борется, как лев, когда боится. Мне помогают его возить, платить за передержку, на операцию вот помогли собрать... Совет всегда можно получить, просто поддержку. У меня появились подруги. Мне есть кому позвонить... Я

понимаю, что вы имеете в виду. Со стороны все это выглядит странно, возможно, даже подозрительно. Но на форуме действительно встречаются те, кому нужна помощь, и те, кто может ее оказать.

– У вас есть семья?

– Да. У меня есть сестра и племянница. Две собаки.

– Родители?

– Моя мама умерла два года назад. Отца не помню.

– У вас фамилия матери?

– Да. Она была актриса. Евгения Воронцова. Ее мало знают, потому что она очень болела и рано умерла... Вы только зря потратили на меня время. Я ничего не смогла сказать о Наташе. Я думала, вы спросите, не было ли у нее врагов. И собиралась ответить, что, на мой взгляд, их не могло быть.

– Ну, вот видите, как профессионально вы завершили нашу беседу. Я действительно именно это должен был спросить. Спасибо. Вот мой телефон. Звоните, если что-то вспомните.

– Хорошо. Я пойду. Вы знаете, я так боялась.

– Привет собакам.

Когда за Настей закрылась дверь, Толя набрал внутренний номер.

– Аня, пожалуйста, все, что получится, по всем каналам. Анастасия Валентиновна Воронцова, мать – Евгения Воронцова, актриса.

Через два часа задумчивый Толя вошел в кабинет к Сер-

гею.

– У меня была Воронцова. Кокошанель.

– Ну, что, расколол блаженную? Или она не блаженная?

– Расколол. Сережа, она учительница. Все, что получает и подрабатывает, тратит на племянницу, собак подбирает, лечит... Эту ТИМ считает благороднейшим существом из-за того, что она ей три тысячи дала на обследование собаки. А сама, знаешь... у нее мать, актриса, была больна лейкемией. Так вот: Настя повезла мать в израильскую клинику, где той сделали пересадку костного мозга, потом было долгое, дорогое лечение... А перед этим она продала свою почку. Чтобы мать спасти. А та умерла все равно. Девушка осталась без гроша.

– Тяжелая история. Что-то ты расклеился. Первый раз вижу, чтобы тебя так потрясли человеческие страдания. Вроде мы знаем: хорошие люди живут тяжело.

– Да, знаем. Сережа, я в полном шоке. Дело в том, что эта Кокошанель – красавица. Я такой женщины и во сне никогда не видел.

– А-а. Это, конечно, усугубляет твою ситуацию как следователя, к делу которого данный свидетель, похоже, никакого отношения не имеет.

Глава 9

Сергей несколько дней ждал Валентину Сидорову для того, чтобы произвести опись документов, денег и ценностей в особняке ее сестры. Он даже договорился с коллегами из местного отделения, чтобы они купили ей билет на поезд и проводили. Но в назначенный день Валя позвонила и сказала, что не сможет приехать.

– Мать очень плоха. Не оставлю ее. Да и зачем я там нужна? Я ни разу в том доме не была, не знаю, что там было, что есть, чего нет. Найдутся, наверное, люди, которые вам помогут.

– Вообще-то помогать нужно не только мне. Это ваше наследство. Вам все равно придется разбираться в том, какое имущество принимать. Других родственников, кроме вас с матерью, я так понимаю, нет.

– Есть двоюродная тетя на Украине. Глухая. Ей бы денег на слуховой аппарат... А мое имущество сейчас – кровать, стол да три разваливающихся стула. Это мой сегодняшний день. Так и всю жизнь прожила. А про завтрашний как-то некогда думать. В общем, не приеду я. Вы уж как-то разберитесь. Мне нужно готовиться к основной поездке. Когда сестру хоронить?

– Я сообщу.

– Пожалуйста, заранее. Мне маму нужно будет в больницу

на эти дни положить. Ну, все подготовить, договориться.

– Да, конечно. Я сообщу вам о результатах описи.

В холле особняка собрались работники, горничная, повар. Приехал бледный Геннадий с застывшим лицом. Его провели в кабинет, где он назвал сотруднику код сейфа, показал, где лежат ключи от ящиков бюро. Началась работа. Геннадий действовал как автомат. Он назвал счета в зарубежных банках, на которых лежат вклады, прокомментировал документы на недвижимость в Черногории, Испании, Франции. Наташа оказалась совладелицей общих с ним фирм, владелицей нескольких бутиков... Украшения, которые хранились в сейфе, несколько отличались от тех, что находились в комодике в спальне. В сейфе были раритеты, эксклюзивные работы, короче, каждое украшение – небольшое состояние само по себе.

Через пару часов Геннадий спустился в сад, прислонился к дереву и положил под язык таблетку валидола.

– Тяжко? – раздался рядом участливый голос Толи Стрельникова. – Сколько лет вы так удачно обеспечивали себя на черный день?

– Около пяти, – серьезно ответил Геннадий.

– Сочувствую. Утешить могу только одним. Хотя у вас и нет алиби – никто не может подтвердить, что в момент убийства вы действительно были в машине по пути в Москву, – главным подозреваемым вы уже не являетесь. Мягко говоря, у вас нет мотива. Не рубят сук, на котором сидят. Простите

за цинизм.

– А почему нет алиби? Охрана видела, как я уехал.

– Могли вернуться незаметно. Мне работник показал тайный вход для своих. Калиточка с кодом.

– Зачем вы вызываете мою жену?

– Извините, вопрос несерьезный. Она – человек заинтересованный. Кстати, она ревнива?

– Нет. Не говорите глупостей. Моя жена – психопатка, но она не смогла бы перерезать горло другой женщине. Вы что, не понимаете, какой это бред?

– Любое убийство может показаться бредом. Считайте, что для нас это формальная проверка.

– Она уже больна из-за этих ваших формальностей. Ну, представьте, как она могла среди ночи оказаться в чужом загородном доме с охраной, в спальне хозяйки, молодой и сильной, кстати, женщины. Перерезать ей горло... Ну, бред, я говорю.

– Тем не менее кто-то там оказался именно ночью именно с этой целью и ее осуществил. И эксперт не уверен в том, что это не женщина.

– Но он также не уверен в том, что и не мужчина? Посмотрите на этого амбала мрачного. На Рима.

– Смотрим и на него.

В спальне Сандра внимательно разглядывала вынутые из шкатулки драгоценности.

– Вам хорошо знакомы эти вещи? – спросил Сергей.

– Да. Я ухаживала за ними.

– Что это значит?

– За украшениями нужно ухаживать, как за цветами. На них появляется пыль, налет грязи, жира от кожи. Я специально купила пособие о том, как приводить в порядок драгоценности. Делала это регулярно.

– Здесь все на месте?

– ...Нет... Не все! Здесь нет бриллиантового кольца! Оно лежало отдельно в этой ячейке. Такое роскошное. Три нитки белых бриллиантов, скрепленных в разных местах небольшими цветами из желтых и черных бриллиантов. В центре – большая звезда – белые и желтые камни, один крупный черный.

– Когда вы видели украшение в последний раз?

– Дня за три-четыре до убийства. Хозяйка вернулась ночью, сняла его, положила на зеркало. Я утром протерла и вернула его на место.

– После этого вы заглядывали в шкатулку?

– Не помню. Наверное, нет. Я бы обратила внимание на его отсутствие.

– Не очень приятная для вас ситуация, вы, наверное, понимаете, – мягко сказал Сергей.

– Да, – спокойно ответила Сандра. – Адрес моей съемной квартиры вы знаете. Только одна просьба. Не очень заметно обыскивайте. Чтобы хозяйка не узнала. Нас и так после этого убийства никто на квартиру больше не пустит и на работу

не возьмет.

– Хорошо. Мы постараемся. Вы свободны.

– Ребята, – Сергей повернулся к сотрудникам. – Дело не особо приятное, но и не пыльное. Ищем по всему дому блестящую штучку со звездой по центру. Девушка хорошо ее описала.

* * *

Стелла открыла дверцу машины и поставила ногу в узком белом сапоге прямо в лужу. В емкой фразе она выразила свое отношение к погоде, природе и географическому пространству под названием – родина.

Ирма встретила ее на пороге квартиры настолько восторженно, что Стелла даже испугалась: вдруг последуют объяснения? Обошлось.

– У тебя все в порядке? – забеспокоилась Ирма, взглянув на ее лицо. – Ты какая-то не такая.

– Ну, да. Зуб мудрости болит, аборт сделала, деньги украли.

– В каком смысле – аборт? – оторопела Ирма.

– Да ни в каком. Просто ехала я по этой грязи, под дождем и думала: от каких неприятностей мне может быть еще хуже? На самом деле зуба мудрости у меня нет, являюсь девственницей, а деньги сама ворую.

– Честно говоря, сегодня у тебя немного странный юмор.

Особенно про девственницу и деньги. Ну, ничего. Попьем кофе, потом посмотрим кое-что, примеришь... Ой, ты же торт привезла.

– А как же. Заказ выполнен. Самый жирный, сладкий и вредный.

– Ну, ты раздевайся, проходи. Сейчас принесу кофе, торт порежу. Ой, только сразу расскажу, чтоб не забыть. Жулиана такая у нас есть, ну, ты, наверное, знаешь. Живет в Мытищах, в однушке, я в одной ее теме прочитала. Ноет там чего-то – денег нет, зарплату не дают, нашла щенка больного, прошу помощи... А сегодня вдруг открывает тему в «курилке». Мама дорогая! Жалуется. В общем, она купила двухкомнатную квартиру на имя родителей. Дорогую. Затем дом построила – 1000 квадратов, бассейны, джакузи, все дела, тра-ля-ля. 20 миллионов стоит. Тоже на родителей записала. Папа – военный в отставке, мама на пенсии. В общем, полный шоколад, и вдруг маман выгоняет из дому папу и объявляет, что поскольку владелица квартиры она, дома тоже, то она принимает решение выписать мужа и дочку, Жулиану эту, квартиру продать, а в доме одна собирается поселиться. Я, говорит, всю жизнь мечтала в особняке одна жить, но, чтоб было на что есть, квартиру вынуждена продать. Жулиана спрашивает: а я где буду жить? Она отвечает: это твои проблемы. Я тебя родила, чтоб свою старость обеспечить.

– Черт. Круто бабка завернула. Ну, и что Жулиане советуют?

– Да ерунду всякую. Психолога к маме приведи, не обижайся на нее... Нет, не только ерунду. Я самое главное тебе не рассказала. Ей кто-то советует в суд подать, в суде доказать, что вся недвижимость была куплена на ее деньги. Мать же не докажет, что у нее были такие бабки, не объяснит их происхождение. А Жулиана отвечает: я тоже не могу прояснить происхождение своих денег. У меня зарплата 28 тысяч. Ну, как тебе?

– Мне нравится. Скромно и со вкусом. И Жулиана, и ее маман. А где она работает, не слышала?

– Ну, я сразу стала звонить, в лички писать. Мне ответили, что она вроде в налоговой инспекции крайняя слева. Типа пыль с папок стирает. Стелла, вот скажи, что ты сделала бы на ее месте?

– Грохнула бы маму, а на месте мамы грохнула бы Жулиану. Наверное, так кто-то из них и поступит.

– Ты прелесть, Стеллочка.

Они выпили кофе с тортом, Ирма облизнула сладкие пальцы, пошла в другую комнату и вынесла оттуда несколько ярких тряпок. Стелла двумя пальцами вытащила из горки ярко-красный пенюар с лебяжьим пухом и приложила к себе.

– О! – задохнулась в восторге Ирма. – Ты в нем чудо.

– Остальное дома примерю. Просто сил нет. Слушай, я все спросить хотела: а посмотреть гарнитур, который ты дочери подарила, нельзя? Жутко любопытно. И просто настроение

себе поднять хочется.

Ирма замялась на одну секунду, но тут же произнесла с энтузиазмом:

– Конечно, дорогая. Сейчас. Встань, пожалуйста.

Стелла встала с зеленого кожаного дивана и с интересом смотрела, как Ирма с трудом сдвинула его с места, залезла за спинку и стала там копошиться. Стелла подошла поближе и увидела, что Ирма отдирает широкую полосу скотча, под ним показывается прореха, явно сделанная специально. Сует в нее руку и вынимает плоскую коробку из лакированного дерева.

– Вот, – говорит она, красная, задыхающаяся и взволнованная.

Стелла осторожно открывает замочек, блеск в ее глазах вспыхивает всего лишь на долю секунды. Она быстро закрывает коробку, протягивает ее Ирме и говорит бесцветным голосом:

– Какая красотища. Но ты представляешь, я так сегодня выдохлась, даже не могу удовольствие получить от этой сказки.

– Бедная ты моя. Ну, ничего. Гарнитур еще у меня побудет, рассмотришь.

– Да, пока они начнут, пока у них получится, пока у тебя внучка родится... Точно успею. Я поеду. Ах да. Деньги. Сколько?

– Ну, понимаешь, за сколько я это покупала, даже назы-

вать не буду. Почти не носила. Но тебе отдам все за пять тысяч.

– Бери, фея ты моя. Можно сказать, подарила.

Стелла собралась, надела куртку в прихожей и уже почти в дверях спросила:

– Да, тебя когда на допрос вызвали?

– На послезавтра, в три.

– Мне тоже сказали приехать, ну, не на конкретное время.

Я ж с работы отпрашиваюсь. Может, скооперируемся? Одной туда неохота ехать. Не люблю я ментовки.

– Ой, конечно, давай. Ты за мной заедешь? Я буду ждать.

– Я позвоню.

Глава 10

Алиса подоткнула под спину подушки, отпила из большой чашки черного крепкого кофе. Вдохнула глубоко, как перед рывком... И взяла с коленей последний номер журнала «Семь дней». Домработница покупала ей раз в неделю. Пролистала несколько страниц, выбрала яркий разворот об отдыхе актрисы, которая действительно ей нравилась, начала читать... Через пару минут она бросила журнал на стол и бессильно уронила руки на колени. Какая чудовищная напасть. Как такое могло случиться? Что делать? Она глотнула кофе, закрыла глаза и лицо ладонями. Она пыталась хотя бы вспомнить самое сладкое, самое личное, тайное ощущение всей своей жизни, которое не оставляло ее никогда. Ни в беспросветных трудах, ни в командировочной тоске, ни в болезни, ни в одиночестве, ни в кругу близких или друзей. Она всегда знала: еще немного, и начнутся эти минуты, часы... Когда они останутся вдвоем: она и книга. У нее был безупречный, изысканный вкус, она, конечно, читала лучшие книги, некоторые перечитывала буквально сотни раз... Но счастливое ощущение сладкого плаванья в не видимом никому подводном царстве возникало в любом случае. Даже если просто покупала на ходу какую-то книжку в потрепанной обложке с рук, не взглянув на название. Что-то вроде наркотического пристрастия.

Алиса вспомнила большие ласковые глаза мамы, которая учила ее читать в три года по толстой и страшно заманчивой почему-то книжке «Граф Монте-Кристо». В чем там было дело, она поняла потом, когда сама прочитала. Она увидела большую теплую комнату, девочку с завязанным горлом под пуховым одеялом. У девочки чуть плывет от жара голова, у нее скарлатина... Мама ее целует и уходит на работу. Девочка улыбается и берет с тумбочки очередной том Диккенса... У Алисы заняло сердце. Как легко было уходить от бед и болезней, приходить к себе. Год назад она себя потеряла. И не чувствует до сих пор. Только постоянное сознание условности собственного существования. Год... Длинный-предлинный год. Казалось бы, лежи себе целый день и читай, наслаждайся. Спешить больше некуда. Но наслаждаться невозможно, вот в чем дело. Для того чтобы принять, понять чужие мысли, судьбы, жизни, нужно просто самому жить. Оказывается, так.

В какой-то момент Алисе вдруг захотелось вернуться... Она открыла книжный шкаф, достала «Сагу о Форсайтах»... и поняла, что ей отрезаны все пути. Она разучилась читать в самом прямом смысле слова. То есть смотрела на страницу, видела буквы, отдельные слова, предложения, не улавливая смысла. Она билась сама с собой несколько дней и ночей. Преодолевала страницу и просто валилась с ног, словно после тяжелой физической работы. Какая там радость! Это стало пыткой. У нее была своя техника чтения. Она сразу,

практически мгновенно, схватывала содержание новой страницы, представляла себе, что произойдет, а потом уже с наслаждением гурмана читала сначала: с толком и расстановкой, какие-то места перечитывала, переворачивала страницу с трепетом ожидания, опять сразу ловила суть, опять – наслаждение даже откровенной ерундой. Она любила это волшебство: слова – множество миров. И кто сказал, что глупый мир совсем неинтересен... Кому такое скажешь: пишущий человек не может читать. Если бы не Интернет, не форум...

Алиса с тоской посмотрела на плотные шторы, которые не разрешала раздвигать и снимать год, просто вызывали на дом химчистку.

Она почти с облегчением взяла трубку позвонившего телефона, боль опять стала нестерпимой.

– Да, Ирма. Ну, как ты думаешь, что я могу узнать об убийстве не очень знакомого мне человека, не выходя из дома? Я ни с кем не встречаюсь, никому не звоню...

– Только не говори, что ты совсем об этом не думаешь.

– Думаю. Бесплодно.

– А тебе интересно, что думаю я?

– Ирма, если ты о том, что написала на форуме... Что это твои враги тебя пугают... Извини. Я считаю, тебе надо немного собраться. Ну, я о врагах... Не умею деликатно. Ирма, это очень похоже на навязчивую идею. Не обижайся.

– Я? Обижаться? Я прекрасно понимаю, что мне никто не поверит, пока... Ну, ты понимаешь.

– Господи, ужас какой. Давай сползем с этой темы, а?

– Но мне просто интересно, ты считаешь, что Наташу ТИМ – щедрую, открытую, простую – могли убить по другой причине?

– Да. Тяжело с тобой. Ирма, у тебя нет причины. Ни у кого ее сейчас нет, даже у следствия. Кроме нашего общения на форуме, у каждого человека есть своя жизнь, свои проблемы, персональные враги. По крайней мере, они могут быть у кого-то. Я совсем не знала Наташу, читала только некоторые ее темы, сообщения... Мне кажется, она жила достаточно сложной жизнью. Ну, мы вообще все ни при чем. Понимаешь?

– Почему же нас тогда вызывают?

– По формальному признаку. Мы довольно много общаемся друг с другом. По Инету, по телефонам. Все звонки проверяются, электронная почта – тоже, форум наш тоже попал в поле зрения следствия. Они просто обязаны искать свидетелей.

– Ты думаешь, я поверила в то, что ты так думаешь на самом деле?

– Ирма, дорогая, я понимаю, что разочаровала тебя. Но я так думаю на самом деле.

* * *

Сандра была неутомимой, легкой и сладкой в любви. Рим

держал в руках ее стройное, гладкое тело, полностью терял над собой контроль, не чувствовал времени, не знал, ночь еще или уже день. Это был жаркий, нестерпимый плен, из которого не хотелось освобождаться. Временами он засыпал, и тогда Сандра просто лежала рядом и не сводила с него своих непроницаемых глаз. Если бы он поймал ее взгляд, возможно, испугался бы. Потому что это уже было не похоже на влечение, влюбленность, даже любовь. Это был фанатизм.

Он просыпался, она отводила взгляд, улыбалась, бежала на кухню за напитками и фруктами... Они говорили о чем-то совсем несерьезном. Он опять обнимал ее, и всякий раз они оказывались в другом раю.

На рассвете он проснулся, почему-то растерянный и грустный. Самое главное осталось во сне, он пытался его вспомнить, но сон ускользал. Он крепко зажмурился, уткнулся лицом в подушку, попытался вернуться туда, где это было... То, из-за чего так разнылась душа. И, наверное, уснул. Потому что только во сне бывает так хорошо и больно одновременно. Рядом с ним стояла обнаженная полноватая женщина с русыми волосами, светлыми, широко расставленными глазами, коротким носом, широким ртом... Смотрела на него спокойно. А он не мог шевельнуться, поднять руки, чтобы дотронуться до нее. Ему во что бы то ни стало необходимо было ее задержать. Просто схватить и не отпустить. Он хотел ей сказать: «Останься», но ничего не получалось. Она повернулась и стала медленно уходить, покачивая пол-

ными бедрами. Он сделал страшное усилие, рванулся, упал в темноту, невнятно закричал из последних сил: «Наташа. Наташенька, солнце мое...» И проснулся. В поту и полном смятении. Не сразу вспомнил о том, что рядом Сандра. Посмотрел: она спокойно лежала на боку и ровно дышала. Он поднялся, прошел в гостиную, достал бутылку с коньяком, налил полный стакан и залпом выпил. Потом долго сидел, ни о чем не думая, сторбившись, как старик.

Когда Рим вернулся в комнату, Сандра лежала на том же боку. Он лег рядом, долго ворочался, отгоняя мысли, стараясь не чувствовать сердце. Потом уснул, тревожно и зыбко. Проснулся, наверное, от того, что ее не было рядом. Рим какое-то время лежал, ждал. Потом с нехорошим предчувствием направился в ванную. Там горел свет, шумела вода, дверь была не заперта. Он помедлил и открыл ее. В душевой кабине никого не было. Он увидел Сандру сидящей на полу у зеркала. У него потемнело в глазах. Вокруг нее была кровь. Она держала в руке длинную тонкую пилку для ногтей и, закусив губу, молча резала кресты на своем бедре. Увидела его, посмотрела своим ничего не выражающим взглядом, сказала: «Ты иди. Я сейчас. Я только сполоснусь». Он не сразу разжал побелевшие губы:

– Скажи только мне. Это ты убила Наташу?

Глава 11

Ирма с вечера готовилась к визиту к следователю. Долго выбирала наряд. Остановилась на черном костюме. Затягивающийся на талии и расклешенный на бедрах жакет с двумя пуговицами под грудью, узкая юбка с высоким разрезом спереди. И красная блузка с воротником стойкой и пышным жабо из черных кружев. Она долго разглядывала все на свет, снимала крошечные ворсинки, гладила на ночь и повесила на стул, обильно сбрызнув духами. Все выглядело просто супер. Кашемир, шелк, кружева ручной работы, как Ирма всем говорила. Работа одного элитного дизайнера. Она на самом деле очень гордилась этим ансамблем, поскольку каждую вещь вытряхнула в разное время вместе с душой у заведующего магазином «Секонд-хенд». Этот заведующий уже не знал, что он испытывает к своей постоянной покупательнице: признательность или ненависть. Предоставленная им ей сдуру скидка росла с каждой покупкой. Покупок была масса. Скоро получится, что он ей должен. Она роется в каждой поставке по многу часов. Больше всего любит вещи с этикетками. Это как раз из тех. Ирма дома с удовольствием прочитала начальную цену, посмотрела состав: чистойшей синтетика. Как всегда, восхитилась. Ну, как делать стали! Скажи кому – не поверят. После чего уничтожила этикетки, будто опасные документы.

С утра она делала питательные маски, лежала в ванне с ароматическими солями, тщательно мыла голову, принимала прохладный душ, укладывала волосы феном. И постоянно набирала номер Стеллы. Абонент был недоступен.

С двенадцати Ирма уже занималась макияжем, продолжая звонить. В час она задумчиво выдвинула ящик стола, изучая свою наличность. Брать такси или ехать на метро? К сожалению, придется вызвать такси, поскольку этот костюм можно носить только с сапогами на высокой шпильке. В метро не получится. У Ирмы все сильнее болели и отекали ноги.

Ровно в три часа Ирма, большая, яркая и взволнованная, нарисовалась на пороге кабинета Сергея Кольцова.

– Я Ирма Георгадзе, – произнесла она громким, низким голосом. – Вы меня вызывали.

– Да, проходите, пожалуйста, садитесь.

Ирма величественно села, закинув ногу за ногу.

– Я прошу прощения, вам не звонила девушка Стелла? Вы вызывали ее вместе со мной, но я не смогла до нее дозвониться.

– Я никого не вызывал вместе с вами. Если вы имеете в виду Серафиму Гулькину, то она позвонила, что сможет приехать только завтра, так как ее с работы не отпускают.

– Не поняла. При чем здесь какая-то Серафима Гулькина?

– Это имя и фамилия девушки, которую вы по форуму знаете как Стеллу. Если мы с вами говорим об одном и том же человеке.

– А. Да, Стеллочка сказала, что ее называли каким-то уродским именем, я просто его не запомнила. А почему она мне не позвонила? И почему у нее телефон недоступен?

– Извините, не знаю. Мы можем начать разговор? Давайте вы будете сначала говорить без вопросов. Просто все, что знаете о Наталье Сидоровой, по форуму – ТИМ.

– Я сама расскажу. Я только должна объяснить, что все подонки и убийцы Интернета уже много лет охотятся за мной. Мне не прощают, что я любого порву за больного ребенка, несчастного старика, бомжа, бездомную собаку...

Сергей понял, что это надолго, постарался расслабиться, нащупать какую-нибудь из своих мыслей по делу, которые пока не развивались из-за нехватки времени, и подтолкнул себя к этому процессу. Аккомпанемент ему не мешал.

* * *

Геннадий вышел из офиса, сел в автомобиль, собираясь поехать в свой ночной клуб «Логово», но вдруг передумал и поехал в другом направлении. Остановился он у старого, отреставрированного дома по Ленинградскому проспекту. Позвонил по телефону.

– Привет. Ты дома?

– Да. Честно говоря, не ждала тебя, как, впрочем, и никого другого. Устала, будто собака.

– Но подняться можно?

– Ну, давай, раз приехал.

Когда хозяйка открыла дверь, Геннадий дружески прикоснулся щекой к ее щеке.

– Извини, что не предупредил. Спонтанное решение. Чаем угостишь?

– Могу даже чем-то покрепче.

– Все равно.

– Пива холодного хочешь? Есть хорошее.

– Да, конечно.

Когда Ирина Менделеева, давняя подруга и соратница по разным бизнес-проектам, шла к нему с подносом, на котором стояли бутылки и тарелочки с закуской, он задумчиво ее разглядывал. Когда-то она его учила жизни. Это она объяснила ему, что на проценты от сделок с недвижимостью не проживешь. Примочка в том, чтобы прикарманить эту недвижимость целиком. Куда только они не отправляли собственников-лохов. В забытые богом деревни, в бараки, откуда даже крысы ушли, в дома престарелых... Неплохо зарабатывали, но дело было грязное. Постоянно этим зарабатывать – значит, себя не уважать, не расти... А Ирка, наверное, остановиться не может. Она вообще ни в чем не знает меры. Гена пристально взглянул на ее оплывшее лицо, дряблую шею, обвисший живот – и мысленно содрогнулся: как я с ней мог спать, черт меня подери? Она ведь и смолodu была не намного лучше. Просто он тогда только начал подниматься из нищеты. Пьянел от одной мысли о наживе. Ирка стала для

него подарком судьбы. Они ведь на самом деле друг друга хотели, как близкие люди, связанные всем.

Он выпил пива, бросил в рот горсть соленых орешков, взглянул ей в глаза:

– Ну, и что ты думаешь по поводу убийства Наташи?

– Мне кажется, это не ты, – неприятно хмыкнула она.

– С юмором у тебя всегда было плохо. Так что ты думаешь на самом деле?

– Да что особенно заморачиваться?.. Узнаем рано или поздно. Ну, думала, конечно. Кому она здорово мешала? В первую очередь твоей жене. Но у Верки, во-первых, кишка тонка, во-вторых, она еще не совсем с катушек слетела. Хотя дело к тому идет.

– Ты о чем?

– У нее паранойя. Или шизофрения. Ты замечаешь, как она на людей смотрит? Когда мы в последний раз с Мальчиком к тебе в «Логово» приехали, она вызверилась на меня, как полная маразматичка. Я даже близко подойти побоялась. Мальчик тогда спросил: «Что это с ней?»

– Ну, твой Мальчик, конечно, специалист по маразматичкам. Лет-то ему сколько? Ты не в детском саду стала себе сожителей снимать? Имя-то у него есть или тебе так удобнее, чтобы не путаться?

– Не твое дело. Мальчика оставляем в покое. Ты меня спросил, я отвечаю. Если твоя жена не убивала эту б...ь, стало быть, ее прикончил мужик, с которым она спала.

– Думаешь? А зачем ему? Если бы у нее был законный муж, тогда понятно. А своего мужика она могла неплохо содержать.

– На твои деньги.

– Ну, это неважно. Если допустить, что он был, то могла и содержать. Зачем ему убивать?

– Ревность, е-мое! Или ты, кроме бабок, уже ничего не знаешь, не понимаешь? Из-за ревности убивают так же часто, как из-за денег.

– Будем считать, что тебе виднее. Ира, что делать-то будем? Оба бутика – Наташины. Стало быть, они уже не мои, и ты, возможно, останешься без работы.

Ирина долго молчала с загадочным выражением лица. Затем ровно произнесла:

– Они не твои, Гена, однозначно. Потому что они мои. Понимаешь, так получилось, что совсем недавно Наташа подписала мне на них дарственную. На всякий случай. Просила тебе не говорить. Не знаю уж, по какой причине. Но вот такие дела.

– Ты врешь, – Геннадий дрожал от гнева и презрения. – Если дарственная существует, значит, ты смастерила ее после Наташиной смерти. Если до, значит, Наташу убил не мужчина. Или мужчина, которого наняла ты. Или Мальчик...

– Оставь Мальчика в покое, по-хорошему тебя предупреждаю.

– Ты меня предупреждаешь?! Слушай, мастер криминальных дарственных, ты не на того напала. Скажи быстрее, что на понт берешь, пока я тебе башку не открытил.

– Дарственная существует. А насчет башки... Давай. И сразу иди с чистосердечным признанием. Потому что за тобой придут через пять минут.

Геннадий достал дрожащими руками сигареты, закурил.

– Ира, поговорим спокойно. Ты ж понимаешь, что та дарственная, какая есть у тебя, у меня завтра утром тоже может появиться.

– А моя уже появилась. Ты в суд подашь – разбирать, что, как да откуда? На чьи деньги магазины покупались, кто вкладывал в их развитие? Его ведь можно и найти, того несчастного, которого ты шантажом заставил бабки отстегнуть. И не только шантажом, раз он потом с амнезией полгода по больницам валялся.

– Какая же ты мразь! Знаешь, независимо от того, что ты сейчас делаешь и что я решу, скажу тебе просто так. Меня тошнит от одной мысли, что я спал с таким уродом. И моральным, и физическим.

Геннадий взглянул на Ирину и содрогнулся. Она выпрямилась, уставилась на него белыми от ярости глазами. Прошипела:

– Ты не представляешь, что сейчас сказал. Я убью тебя. Пока живи, мучайся, но однажды я тебя убью. Помни об этом каждую минуту.

Глава 12

Сергей с интересом слушал свою необычную собеседницу. Алиса Георгиевна Голицына, бывшая балерина, по форуму Голд. Она встретила его, сидя в глубоком кресле, ноги укутаны пледом. Лицо красивое, правильное, глаза холодно-ватые – сразу и не поймешь, что в них: то ли высокомерие, то ли боль...

– На вашем форуме – огромное количество людей. Вы полагаете, они поддаются какой-то классификации?

– Возможно. Приблизительно, конечно. Первая категория – те, кто обращается за помощью, которая действительно необходима – больному, сироте, погорельцу, бездомным животным. Особенность этой категории в том, что помощь на самом деле будет направлена на обозначенные цели. Вторая категория, может быть, самая большая в количественном отношении, – это те, кто готов эту помощь оказать, пусть даже в небольших размерах. Третья категория – энтузиасты, легкие на подъем, готовые сорваться в любое время суток – кого-то куда-то перевезти, вытащить щенков со свалки, отвезти сбитую собаку с дороги в клинику. Ну, и дальше – манипуляторы, собирающие деньги не для того, на что просят. Еще те, кто откровенно наживается на чужой беде и чужой щедрости. Есть просто болтуны. Скандалисты. Бездельники. И даже психи.

– Ну, и как же разбираться в этой чертоплюшине? Хорошие добрые люди могут оказывать помощь манипуляторам-махинаторам. Те, кто действительно хочет кому-то помочь, кормят тех, кто наживается. Болтуны и психи создают дымовую завесу, смазывающую картину. Я вас правильно понял?

– Абсолютно верно. Позитивная идея держится на том, что люди с чистыми помыслами все-таки имеют возможность вычислить друг друга.

– Но они все равно кормят тех, кто наживается?

– Да.

– Кого именно?

– Некоторых врачей, поставивших халатность и выкачивание денег любой ценой на поток, многие передержки животных.

– К какой категории относилась ТИМ?

– Вот ее мне трудно отнести к чистой категории. Вы знаете, она многим помогала, и довольно активно. При этом откровенно лоббировала плохих врачей, то есть не думала об интересах спасаемых. Держала одну крайне сомнительную передержку. Хотя, судя по всему, это не могло быть значительным источником дохода в ее случае. Я имею в виду наличие других источников.

– И что это было с ее стороны?

– Я иногда просматривала темы с ее участием... Некая амбиция в ее деятельности просматривалась. Ну, в общем, я бы

так определила. Возможно, неверно. Человек, очень властный по природе, в силу обстоятельств оказался зависимым в главном. Вот она и пыталась реализоваться в другом. Короче. Ее социальный статус – содержанка, как выяснилось. Она нашла возможность создать себе образ на форуме – влиятельная, решительная благотворительница.

– Почему, на ваш взгляд, она не пошла, скажем, в политику себя реализовывать? Или в бизнес?

– Прошу прощения, я пользуюсь только нашими сплетнями. Но я поняла, что бизнес кто-то вел от ее имени. А политика – ну, в общем, это нормально – держаться от нее подальше. Туда лезут люди, у которых есть деньги, для того чтобы денег было еще больше. Мне кажется, Наташе хватало. Возможно, ей действительно очень хотелось быть или казаться самой себе хорошей. Но в ней не было тепла. В этом я уверена. Есть какие-то детали, когда человек что-то пишет в открытом доступе. Первые реакции, которые у нее иногда бывали или неестественными, или неверными, выводы, последовательность поступков.

– А сама она что-то делала или только деньги предлагала?

– Она предлагала помощь машиной, например. Тем своих у нее мало было... Помню, в ее коттеджном поселке кто-то бросил алабая. Она просила помочь его пристроить. Как-то просила помочь с жильем и работой одной несчастной девушке, дочери алкоголиков. Бомжихе призывала помочь. Возможно, еще что-то есть. Могу посмотреть в архиве.

- Да, я буду вам очень признателен. У нее имелись недоброжелатели?
- Конечно. Как у всех удачливых, богатых людей.
- Как вы к ней относились?
- Безразлично, наверное. Но сейчас мне трудно принять эту трагическую нелепость, мне больно думать о том, что молодая, здоровая, счастливая женщина так страшно убита. Я очень хочу, чтобы вы нашли убийцу. Можно вопрос?
- Конечно.
- Почему вы опрашиваете нас? Мы все связаны в основном виртуальными отношениями. Вряд ли в них может возникнуть мотив убийства.
- Да, вы правы, но мы должны все проанализировать. А ваш форум – целый пласт жизни. Это, наверное, больше, чем просто виртуальное общение. Тем более что многие знакомы лично. Забыл спросить: вы сами были знакомы с Наташей?
- Нет.
- Я могу к вам обращаться с вопросами в дальнейшем?
- Конечно. Но я сказала все, что знаю.
- Ну, может понадобится что-то уточнить. Понимаете, нам в обилии персонажей вашего форума самим не разобраться. А вы явно в материале. Есть свободное время?
- Я просто врожденный читатель.

Пропавшее бриллиантовое кольцо в особняке Сидоровой не нашли. Обыскивали комнаты прислуги, охраны, квартиры тех, кто приходил на работу утром и уходил вечером. Параллельно продолжались поиски орудия убийства. То ли опасной бритвы, то ли чего-то похожего на нее...

– Слушай, это мрак, – хмуро сказал Сергей, войдя в кабинет Анатолия. – Ни одной зацепки. Правда, почти ни у кого из круга подозреваемых нет алиби. Но это все. Мы конкретно ничего не можем найти. Кроме нескольких волос в спальне, которые не принадлежат ни Сидоровой, ни ее любовнику и никому из прислуги. То есть из штатной прислуги. Но вполне возможно, что к ней кто-то приходил в эти дни. Такая засада с калиткой для своих. Охрана не может сказать точно, кто к Наташе приходил. А у тебя что?

– Да я вот сижу, выдыхаю. Тайфун мимо меня пролетел. Опять приходила Ирма Георгадзе. Говорит, тебя в кабинете не было, а ее просто распирает информация. Подойди к компьютеру, выйди на их сайт и ткни пальцем в любого из пары тысяч пользователей. Я тебе та-а-а-кое расскажу...

– Мне пары тысяч не надо. Совсем ничего интересного?

– Интересно все. Но я расскажу тебе только кое-что. В общем, есть там у них на форуме некая Сиеста. Нина ее зовут. Она из тех, кто финансирует разные темы. Причем такие

контрастные, как больные дети и найденные стаффы. Ну, я уже ничему не удивляюсь. Ирма говорит, что в месяц Нина жертвует от 100 до 150 тысяч рублей. Работает в серьезной фирме. Живет очень скромно. Небольшая квартира в Москве и обычная теплая дача в Малаховке. На даче она держит шесть больных собак – слепых, эпилептиков, трехлапых и т. д. Ухаживает за ними нанятая для этой цели работница.

– Толя, извини. У тебя, кажется, странная привычка появилась. Рассказывать мне все, что ты услышал от наших необычных свидетелей, которые и не свидетели вовсе.

– Ну, уж прости меня за очередную вредную привычку. Ты ж не оставишь меня с ней наедине? Дослушай, старик. А в московской квартире у этой Нины живет ее взрослый, неработающий сын. Он на инвалидности по мозгам, как Ирма выразилась. Вроде бы у него что-то типа шизофрении. Опускаю прочие детали. Но... Его мать вывезла на дачу своих животных после того, как, вернувшись с работы, обнаружила любимую собаку с отрезанной головой.

Глава 13

Ирина судорожно ласкала круглую мальчишескую голову с темными волнистыми волосами, худые плечи, узкие бедра. Она с упоением целовала почти детские руки с короткими ногтями, неловкими пальцами. Она задыхалась от избытка чувств, оттого, что близость не могла утолить ее жажду. Ей хотелось одновременно его осчастливить и навеки поработить. В ее жизни было, наверное, с полсотни мужчин, она произносила слово «люблю» много раз, но на самом деле впервые узнала, что это такое. Сладость рая, муки ада и попросту клетка, из которой добровольно не выходят.

– Мой мальчик, мой птенчик, моя радость золотая. – Она целовала его капризный рот, круглые карие, всегда немного обиженные глаза, оттопыренные уши, вдыхала родной запах, пьянела... И думала: «Как хорошо, что у меня нет детей». Она радовалась тому, что даже чувство материнства сохранила нетронутым для мужчины, который стал смыслом ее жизни.

– Слушай, Ирка, дай поспать, чесслово, ну что ты в ухо мне дуешь. У меня от этого мурашки. – Мальчик зевнул, широко и безмятежно открыв рот, а она, не в силах сдержаться, стала страстно целовать его розовый язык, белые, не слишком ровные, мелкие зубы, десны, вдыхать его чистый, здоровый, сонный запах. Он лениво освободился, потряс головой,

как ребенок. – Ир, я от тебя просто фигею. Ты мне ничего не откусишь?

Он посмотрел на нее и улыбнулся. Он все воспринимает как должное. Уверенность и безмятежность юности.

– Не откушу. Просто съем тебя однажды целиком. Просыпайся, соня. У нас с тобой сегодня важное дело.

– Ой, ты что. Мне от слова «дело» плохо становится. Я теперь точно должен поспать еще два часа.

– Никаких поспать.

– Два часа! Или вообще не встану.

– Ну, спи, – сказала она тоном строгой матери. – Придется мне для моего дела кого-то другого найти. Раз уж люди скоро придут.

– Чего? – он уставился на нее с любопытством. – Какие люди придут?

– Юрист мой, нотариус. Дорогой Валентин Николаевич Кочин, придут люди, которые подготовили мое завешание. Все, что у меня есть, я завещаю тебе, мой мальчик.

– Ир, ты чего? Я не врубаюсь. Какое завешание? Ты, типа, помирать собралась?

– Ох, детский сад на прогулке. Да. Вот сейчас подпишу завешание на твое имя, лягу на стол да помру. Тебя это устроит?

– Ир, ты про что? У тебя крышу случайно не снесло? При чем тут стол?

Ирина смотрела на него и даже не удивлялась тому, что с

ней происходит. Далеко не самый красивый мальчик, не то что глупый, просто инфантильный, а ведь лучше всех. Мало она нажила. Такое сокровище стоит дороже. Ну, ничего, еще не вечер.

– Я еще поживу, – серьезно сказала она. – С тобой. Для тебя. Я хочу сделать тебя совсем счастливым.

– А-а. Тогда другое дело. Ты мне че, и квартиру эту отпишешь?

– Не только. Ты удивишься. Но спать нужно будет меньше. Управлять всем придется поучиться немного. Сама собой только трава растет.

– Ну, ты как начинаешь про «спать меньше», «поучиться», так меня сразу в сон кидает. Что ж ты нудная такая.

– Вечером пойдем отметим.

– Точно? Куда?

– В «Логово».

* * *

Толя Стрельников никак не мог понять, какое чувство вызывает у него эта посетительница. Вроде бы уверенная в себе дама средних лет, резковатый голос, характерная торопливость человека, который знает цену времени... И очень странная реакция на каждый вопрос. Ловит его, явно заранее пугается, не дослушав, затем сбивчиво отвечает.

– Нина Петровна, – улыбнулся он, – надеюсь, вы не имеете

ничего против того, что я вас по имени-отчеству называю? Вы на своем форуме привыкли друг друга иначе называть.

— Ну, знакомые девочки, конечно, обращаются друг к другу по именам в личном контакте. А вообще действительно: я привыкла быть Сиестой. Это очень удобная форма общения.

— Ну, можно и так. Скажите, пожалуйста, Сиеста, вы были лично знакомы с ТИМ?

— Да. Не скажу, что у нас была дружба, но мы часто перезванивались и иногда встречались.

— По каким-то конкретным поводам или просто общались?

— У меня нет времени для простого общения. Ну, и она в принципе не совсем тот человек, с которым меня могла связывать дружба. Да, по поводам. По финансовым. Я встречалась с ней, чтобы получить деньги для детского дома инвалидов, благотворителем которого я являюсь, для частного приюта для бездомных животных.

— Но вы сами, как я выяснил, тратите немалые суммы на помощь. В каких случаях вам приходилось к ней обращаться?

— Когда денег не хватало. Понимаете, я тружусь в хорошей фирме, зарабатываю приличные деньги. Но приходится часто ужиматься. У нас с сыном скромные расходы, НЗ на черный день... Все остальное улетает на эту помощь... Бывают ситуации, когда деньги нужны срочно: кому-то на операцию, на аварийный ремонт детского дома... Наташа была тем че-

ловеком, у которого всегда можно было получить недостающую сумму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.